

Георгий Анчабадзе

АБХАЗИЯ

И КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

1810-1864 гг.

Георгий Анчабадзе

**АБХАЗИЯ И КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА
1810-1864 гг.**

**ВТОРОЕ,
ДОПОЛНЕННОЕ
ИЗДАНИЕ**

Тбилиси
2021

Г.З. Анчабадзе. Абхазия и Кавказская война. 1810-1864 гг.

В монографии доктора исторических наук, профессора Г.З. Анчабадзе изложена политическая история Абхазии с 1810 по 1864 г. Это период существования автономного Абхазского княжества в составе Российской империи, совпадающий со временем Кавказской (русско-горской) войны и окончательного вхождения Кавказа в состав Российской империи. В книге показаны фактор Кавказской войны в истории Абхазии и основные моменты участия абхазов в русско-горском противостоянии. Для автора это и тема специального лекционного курса, который он читает магистрантам Абхазского государственного университета.

Книга адресована как профессиональным историкам и студентам, так и самой широкой читательской аудитории.

Редактор:

кандидат исторических наук, доцент А.Н. Габелия

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор О.В. Маан

кандидат исторических наук, доцент С.Ш. Салакая

На переплете воспроизведен рисунок

Г.Г. Гагарина «Встреча черкесских князей» (ок. 1841 г.)

© Г. З. Анчабадзе, 2021

ISBN 978-9941-8-3309-0

СОДЕРЖАНИЕ

Историческое введение	5
О Кавказской войне	5
Абхазия накануне присоединения к России	15
Установление российского протектората над Абхазией	25
Интересы русского правительства в Абхазии	25
Завоевание Сухумской крепости и установление русского протектората	27
Политико-административная структура Абхазского княжества	30
Правление князя Георгия (Сафарбея)	31
Восстание 1821-1824 гг.	35
Западный Кавказ на перекрестке истории (1830-1853 гг.) ..	41
Начало большой войны на Северо-Западном Кавказе ...	42
Абхазская экспедиция 1830 г. Утверждение русского военного присутствия в Западной Абхазии	48
Война в Северо-Восточном Причерноморье	57
Усиление русского военного присутствия в Восточной Абхазии	60

Положение в Самурзаканской Абхазии	62
Михаил (Хамытбей) Чачба-Шервашидзе	66
Создание Черноморской береговой линии и события в Джигетии	68
Восстание в Цебельде	73
Джигетское приставство	76
Убыхская экспедиция	77
Экспедиция в Псху 1843 г.	83
Война на Северо-Восточном Кавказе	84
Мюридизм на Западном Кавказе. Магомед-Амин	85
Восточная (Крымская) война.	
Завершение Кавказской войны и упразднение	
Абхазского княжества (1853-1864 гг.)	89
Западный Кавказ в годы Восточной войны	89
Завершение русско-горской войны	99
Переселение кавказских горцев в Османскую империю	111
Абхазское княжество в конце Кавказской войны. Борьба за котловину Псху	112
Конец Абхазского княжества	116
Библиография	119
Summary	125

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ

О Кавказской войне. Содержание монографии – история Абхазии XIX столетия, а точнее, периода с 1810 по 1864 годы. Это время Кавказской войны, одного из значимых общественно-политических явлений XIX века, и окончательного вхождения Кавказа в состав Российской империи.

Пролог этой истории восходит ко второй половине XVI столетия, когда южные границы Московского царства после присоединения Астрахани (1556 г.) достигли низовьев Терека. В то время население Кавказа страдало от междоусобных войн и периодических вторжений иранских и турецких войск. Османская Турция и Сефевидский Иран, враждуя друг с другом, оспаривали кавказские территории. В орбиту Ирана входили земли современной Армении, Азербайджана и полунезависимой Восточной Грузии. Сфера влияния Османской империи охватывала преимущественно территорию Западного Кавказа. На этом фоне Русское государство, – третий центр внешней силы, – сердцевиной которого отделяла от Кавказа обширная полоса слабо освоенных земель, еще не обладало достаточными ресурсами и возможностями. Это показали неудачные попытки военного проникновения в Дагестан в конце XVI и начале XVII веков. Однако, сохранив опорную точку в дельте Терека, русские укрепили свое присутствие, устанавливая дипломати-

ческие и торговые связи с местными владениями, заключали союзы, изучали край и его население.

Активность российской политики на юге резко возрастает в XVIII веке, особенно с 60–70-х годов, когда началось планомерное продвижение русских войск и администрации на Кавказ. По результатам русско-турецких войн 1768–1774 и 1787–1791 годов главный соперник России в Кавказского-Черноморском регионе, Османская империя, потеряла большую часть своих позиций. Россия твердой ногой встала на северных берегах Черного моря, считавшегося дотоле внутренним озером Османской империи, а на востоке распространила свой контроль над степными пространствами Азово-Каспийского междуморья. Занятие равнин, которые издавна использовались кавказскими горцами под пашни и пастбища, внесло напряженность в русско-горские отношения, что усиливалось строительством пограничных укреплений (укрепленных линий) на новоприобретённых территориях, а также военно-казачьей и помещичье-крестьянской колонизацией. Как писал советский историк-востоковед Н.А.Смирнов, «Игнорирование царской администрацией интересов горцев, захваты их земель для русских поселенцев, насаждение на Кавказе русских помещиков из числа генералов и высших царских чиновников – все это вызывало недовольство горского населения». Уже в 70–80-х годах XVIII века почва для вспышки стихийного движения на Северном Кавказе была достаточно подготовлена. Начались стычки между русскими войсками и отрядами горцев, постепенно переросшие в систематические боевые действия. Так начиналась Кавказская (русско-горская) война, продолжавшаяся ряд десятилетий и стоившая обеим сторонам больших жертв.

Теперь о термине «Кавказская война» и хронологических рамках этого явления.

Считается, что в научно-публицистическом обороте название *Кавказская война* впервые использовал Ростислав Фадеев¹ в своей книге «Шестьдесят лет Кавказской войны» (1860 г.), написанной по заказу наместника Кавказа, генерал-фельдмаршала Барятинского. До этого же, как правило, военные действия на Кавказе обозначались выражениями: «покорение», «завоевание», «усмирение», «умиротворение», «установление русского владычества».

Однако к моменту выхода в свет книги Фадеева покорение Кавказа еще не было закончено, начинался его последний этап, последний натиск на адыго-абхазский «угол» в северо-западной части Кавказа, завершивший длительный и сложный процесс присоединения края к Российской империи. Поэтому в указанной книге описана только война против Кавказского имамата в Дагестане и Чечне, уничтожение которого, как и пленение знаменитого Шамиля, связывается с именем князя Барятинского.

Несколько позже в русской историографии появляется термин «Кавказские войны», охватывающий уже весь спектр военных действий России на Кавказе в XVIII–XIX веках. Это и противоборство с Турцией и Персией, и подавление восстаний в Закавказье, и, конечно, война на Северном Кавказе, в Дагестане и Северо-Восточном Причерноморье (собственно Кавказская, или Русско-горская, война) – предмет нашего обсуждения.

Одна из особенностей русско-горской войны заключается в отсутствии общепринятых хронологических границ

1. Фадеев Р.А. (1824–1883) – русский военный историк и публицист, генерал-майор (1864). Участник Кавказской войны и автор трудов по ее истории. Панславист. Относясь отрицательно к военным реформам, проводившимся в России в 60-х годах XIX века, вышел в отставку. В 1876-1878 годах как доброволец участвовал в национально-освободительном движении балканских народов.

этого исторического явления. Не будем останавливаться на максимальных рамках, предлагаемых авторами некоторых преимущественно публицистических произведений – от XVI столетия почти до наших дней. Большинство ученых ограничиваются периодом XVIII–XIX веков. Но если конечной датой Кавказской войны почти все признают 1864 год (что, в принципе, верно, хотя в некоторых труднодоступных районах и после этого сохранялись очаги сопротивления), то относительно начальной даты существует широкий разброс мнений. Указываются 1722, 1763, 1783, 1785, 1799, 1801, 1816, 1817, 1818, 1829, 1830 и другие годы.

Каждая из этих дат имеет свои более или менее оправдательные мотивы. Так, 1722 год – это начало Персидского похода Петра I, нарушившего более чем вековую паузу в военном наступлении русских на Кавказе. Видимо, еще в годы русско-горской войны петровская эпоха мыслилась началом этого противостояния. В рескрипте Александра II, обнародованном в июне 1864 года по поводу окончания Кавказской войны, говорится о завершении дела, начатого «полтора века тому назад». Однако, на мой взгляд, Персидский поход, несмотря на его размах, а также то, что в ходе экспедиции русские войска имели столкновения с чеченцами и дагестанцами, трудно напрямую увязать с позднейшей Кавказской войной. Во-первых, потому, что конечной целью похода являлся не Северный Кавказ, главный театр русско-горской войны, а каспийский торговый путь на Восток. Поэтому в ходе кампании русские заняли Дербент, Баку, Энзели, Решт и другие каспийские крепости, гавани и центры торговли. Во-вторых, после смерти Петра его ближайшие преемники отказались от масштабных замыслов императора и вернули на Терек русские аванпосты. Только в 30-х годах XVIII века здесь начинается организация первой укрепленной линии, опиравшейся

на крепость Кизляр. По словам признанного историка-кавказоведа, профессора Н.Н.Покровского, это стало началом борьбы за захват чеченской плоскости. То есть укрепленные линии помимо оборонительных задач, имели функции исходных рубежей для поступательного движения вперед². Следовательно, строительство Кизлярской линии, можно расценивать как прелюдию к Кавказской войне. Начало же большого противостояния надо относить к эпохе Екатерины II (1762–1796 гг.). Доводы историков, предлагающих эту точку зрения, мне кажутся наиболее обоснованными. Недаром в некоторых досоветских изданиях Кавказская война именуется «вековой войной».

Продолжение строительства укреплений вдоль левого берега реки Терек и особенно закладка крепости в урочище Моздок (1763 г.), где издавна паслись кабардинские стада, вызвало открытое недовольство в Кабарде. Воинственная кабардинская аристократия с XVI века поддерживавшая союз с Россией против Турции и Крыма, понимала, что крепость Моздок станет оплотом Российской империи в Предкавказье (неслучайно официальный историограф кавказских войн В.А.Потто отмечает, что закладкой Моздокской крепости был заложен «краеугольный камень завоеванию Кавказа»). Кабардинские послы, прибывшие в Санкт-Петербург, потребовали скрыть моздокские укрепления, но получили решитель-

-
2. Уже в разгар Кавказской войны в 1842 г. генерал-майор М.Ф. Кудашев в своем плане покорения кавказских горцев, еще раз подчеркнул значение укрепленных линий в этом деле: «Воздвигнув в течение сорока лет против черкасов, чеченцев и лезгин укрепленные линии, которые опоясывают их горы, как параллели, обхватывают крепости, кажется, настало время пользоваться этими линиями как надежными базами для начатия решительных наступательных действий вовнутрь гор немирных черкасов и чеченцев, и для преследования против лезгин успехи, приобретенные нами, дабы в несколько походов поставить конец сорокалетней борьбе с кавказскими народами, приведением в действительную и надежную покорность все их племена».

ный отказ. Не было приостановлено и строительство новых опорных пунктов, протяженная черта которых, получившая название «Кавказская укрепленная линия» к 1790 году достигла на западе Черного моря близ устья Кубани, а на востоке вышла к каспийскому берегу.

Русско-кабардинский раздор из-за Моздока и других крепостей в центре Кавказской линии, привел к череде серьезных столкновений, в которых кабардинцы, по выражению генерала Ермолова, «...отчаянно противостояли русским в кровопролитных сражениях». Нередко на стороне кабардинцев выступали отряды абазинских, балкарских и осетинских владельцев, связанных с кабардинскими князьями системой феодальных отношений. Так, например, во время восстания в Большой Кабарде в 1822 году кумские абазины под предводительством князя Нартуко вели упорную борьбу с русскими войсками, но были наконец побеждены и покорились генералу Ермолову.

Военные действия с перерывами продолжались до 1825 года и завершились разгромом Кабарды. Война совпала с эпидемией чумы, свирепствовавшей в горских аулах. «Моровая язва была союзницей нашею против кабардинцев, – вспоминает Ермолов, – ибо, уничтожив совершенно все население Малой Кабарды и производя опустошение в Большой, до того их ослабила, что они не могли уже как прежде собираться в больших силах, но делали набеги малыми партиями; иначе и войска наши, на большом пространстве частью слабыми рассеянные, могли бы подвергаться опасности».

В результате продолжительной войны территория и население Кабарды намного сократилась, после чего она уже и юридически, и фактически подпала под власть России. Самые неукротимые противники русских бежали в еще недостижимые для Империи области – Закубанье, Чечню, Горную Аб-

хазию, чтобы оттуда продолжить борьбу. Особенно много их было в Закубанье, среди родственного адыгского населения. В исторических источниках и литературе эта группа переселенцев именуется «беглыми», или закубанскими кабардинцами.

Некоторые историки (прежде всего адыгские) видят в моздокском конфликте начало Кавказской войны, однако мне кажется, что с не меньшим основанием точкой отсчета можно считать события середины 80-х годов XVIII века. В частности выступление под руководством чеченского проповедника Ушурмы (шейха Мансура), когда разрозненное сопротивление вышло за пределы отдельных областей (Кабарда, Чечня, Дагестан, Закубанье) и приняло, по существу, общесеверокавказские масштабы с конкретными идейно-политическими лозунгами. В 1785–1791 годах Мансур активно действовал то в Чечне и Северном Дагестане, то в Кабарде и на Кубани, организуя нападения на русские войска и проповедуя священную войну. В 1791 году он был пленен в Анапе войсками генерала Гудовича и окончил свои дни в Шлиссельбургской крепости. Шейха Мансура можно считать идейным предшественником дагестанских имамов.

В досоветской, а частично в советской и современной историографии начало Русско-горской войны нередко увязывается с присоединением Восточно-Грузинского царства к России (1801 г.), в результате которого империя получила плацдарм в Закавказье, расширив его за короткий срок от моря до моря. По мнению ряда историков, в связи с этим обстоятельством возникла задача покорения горцев, дабы прочнее связать новые территории с основной частью государства. Поэтому эти авторы начало Кавказской войны относят к рубежу XIX столетия. Отсюда выражение: «шестидесятилетняя кавказская война», часто встречающееся в литературе. Но в таком случае из хроники русско-горской войны выпадает зна-

чительный предыдущий период, когда к северу от Кавказского хребта также велись активные боевые действия.

В еще большей степени это замечание заслуживает датировка, отсчитывающая начало Кавказской войны с 1817 года (варианты: 1816, 1818 гг.), которая чаще всего встречается в настоящее время (хотя и оспаривается нередко). Здесь хрономаркером выступает назначение главнокомандующим на Кавказе генерала Ермолова и перенесение им укрепленной линии с Терека на Сунжу, что сопровождалось частичным вытеснением равнинных чеченцев в горы. А.П.Ермолова считают автором долгосрочной стратегии действий против горцев, предполагавшей окружение кордонами³ непокорных районов и неуклонное сжимание их в кольце блокады. Ему приписывается часто цитируемая формула: «Кавказ – это огромная крепость, защищаемая многочисленным, полумиллионным гарнизоном. Надо штурмовать ее или овладеть траншеями. Штурм будет стоить дорого, так поведем же осаду».

Наконец, 1829/1830 год – дата возникновения Кавказского имамата, сложившегося как централизованное государство в годы правления третьего имама – Шамиля (1834–1859). С этого времени в горском сопротивлении окончательно утвердился идеологический фон *газавата* – священной войны (см. ниже), что способствовало сплочению этнически и политически разобщенных групп населения. В целом, период с 1817 по 1864 годы можно считать кульминационным этапом Кавказской войны, достигшей своего апогея в конце 30-х – начале 50-х годов XIX века.

Однако подобная многофакторность и многогранность

3. Кордоны (кордонные линии) – система пограничных укреплений, сооруженных русскими войсками в ходе Кавказской войны. Состояли из линии крепостей, отдельных фортов и укрепленных станиц, между которыми располагались наблюдательные посты (пикеты), секреты и казачьи заставы, двигались конные разъезды.

не мешают рассматривать Русско-горскую войну как единое общественно-историческое явление, Ведь еще Р.А.Фадеев отмечал, что Кавказская война несколько раз меняла свой характер.

Менялись также взгляды на причины и природу Кавказской войны. Досоветская российская историография рассматривала войну с горцами с великодержавных позиций, осуждая лишь злоупотребления чиновников. В те времена расширение государственных границ считалось безусловным благом, а территориальные захваты для этого – приемлемым средством. Это была эпоха, когда развивались Британская и Французская колониальные империи, а США раздвинули свои пределы от Атлантики до Тихого океана. Точно также целью Российского правительства было включение Кавказа в состав империи. И при этом не подвергалось сомнению, что все препятствующее достижению этой цели могло быть подавлено силой оружия. Как писал в 1840 году российский военный министр граф Чернышев: «Необходимость употребления силы оружия [осударем] и [мператором] не только никогда не была отвергаема, а, напротив того, в предначертанном е[го] в[еличеством] плане к общему успокоению Кавказа, оно занимает... первое и главное место». Поэтому российские авторы, выражавшие официальную точку зрения, войну на Кавказе рассматривали как «умиротворение» края, а в действиях горцев ставили акцент на «хищничество» и религиозно-воинствующий характер мюридизма.

«Мюридизм» (от араб. *мурид* «последователь, ученик высшего духовного наставника») – условный термин, появившийся в русской литературе в середине XIX века, для обозначения одного из разновидностей ислама. Его последователи, известные под именем мюридов (муридов), разделяются на ряд орденов,

или братств. Первоначально мюридизм имел в основе учение о *тарикате* – познании бога путем духовного самосовершенствования. С течением времени в учениях некоторых орденов существенное значение приобрела идея священной войны за торжество веры – *газават*. На Кавказе мюридизм, как идеология против завоевательной политики царизма, появился в Дагестане в 1820-х годах, хотя некоторые его элементы проповедовал еще шейх Мансур (Ушурма). Теоретики горского сопротивления приспособили это религиозное течение к задачам военно-политического противоборства, развив идею неприятия мусульманами власти и гнета «неверных» (в данном случае русских-христиан). В превращении идеи газавата в основной догмат религии, а затем и в политический лозунг, заключается специфика кавказского мюридизма. Теократический вождь мюридов носил звание *имам* (араб. «предстоятель»). Таким образом, утвердившись на Кавказе мюридизм перестал быть чисто религиозным учением. На его основе в горах Дагестана и Чечни возникло государство – *имамат*, который в 1834 году возглавил аварец Шамиль, талантливый государственный деятель и полководец. Под его руководством дагестанцы и чеченцы в течение 25 лет отстаивали свою независимость в борьбе с могущественной Российской империей. На Западном Кавказе среди адыго-абхазских народов мюридизм не получил широкого распространения.

Начало советского периода в историографии ознаменовалось разрывом с имперской традицией. Историки-марксисты, опираясь на воззрения Маркса, Энгельса и Ленина, считали национально-освободительные движения частью мирового революционного процесса соответствующей эпохи, а его руководителей – выразителями народных интересов. Однако при этом указывалось, что объективно присоединение Кавказа к России имело прогрессивное значение, ускорив здесь развитие капитализма (со всеми вытекающими последстви-

ями) и способствовавшее сближению местного населения с русским народом.

К концу 1940-х годов под влиянием новой политической конъюнктуры в СССР происходит резкий перелом в трактовке исторических событий столетней давности. Шамиля и других кавказских вождей голословно объявили англо-турецкими агентами, а Кавказскую войну – конфликтом, инспирированным извне. В постсталинскую эпоху подходы к освещению русско-горской войны опять видоизменились. Историки стали более осторожны в оценках, вернулись тезисы о колониальной сущности политики царизма на Кавказе и освободительном характере горского сопротивления, но при этом акцент ставился на добровольность вхождения в состав России почти всех народов края.

В 1983 году известный российский (осетинский) историк М.М.Блиев в статье, помещенной в одном из ведущих исторических журналов, выдвинул идею, согласно которой Кавказскую войну вызвали грабительские наезды горцев на российское пограничье. По утверждению автора, империи пришлось силой отражать набеги и поэтому на Кавказе возникло перманентное состояние войны. Эта точка зрения не нова: многие российские публицисты и историки XIX века одной из причин военного наступления царских войск, называли «хищничество» горцев, но они не скрывали и завоевательных устремлений царизма (в ту пору, как отмечалось, внешняя экспансия считалась естественным явлением). Например, в многотомной военной энциклопедии, издававшейся в 1911-1915 годах под редакцией полковника генерального штаба В.Ф.Новицкого, Кавказская война характеризуется как «длительная борьба России с многочисленными воинственными племенами Кавказа... с целью умиротворения и покорения этой обширной окраины». Но профессор Блиев с позиций современных воз-

зрений оправдывает геополитику XIX века, акцентируя внимание только на горские набеги, фактически отводя русским роль обороняющейся стороны. При этом, стараясь обосновать причины военной активности горцев особенностями их быта и общественного строя, он весьма снижает уровень развития народов Северного Кавказа и Дагестана в XVIII–XIX веках вопреки объективным научным данным. Поэтому большинство кавказоведов критически встретили основные положения Блиева. Во второй книге обобщающего коллективного труда «История Народов Северного Кавказа» (1988 г.), который фактически подытожил результаты работы нескольких поколений советских историков-кавказоведов, в связи с вышеупомянутой гипотезой четко отмечается: «Недавняя попытка... возродить представление о чеченцах, аварцах и других горцах как однородной массе с „имманентно присущими„ ей агрессивно-грабительскими стремлениями не получила поддержки советских историков». Но впоследствии на фоне этнополитических конфликтов постсоветского периода, у концепции М.М.Блиева появилось немало последователей среди российских публицистов и историков.

Абхазия накануне присоединения к России. В рассматриваемое время Абхазия являлась феодальным княжеством во главе с домом Чачба (Шервашидзе)⁴. Представители этой древней династии управляли страной с XII века сначала в роли эриставов – наместников грузинских царей, а затем в качестве самостоятельных владетелей (абх. ах). К XVIII веку территория княжества тянулась вдоль приморской полосы от Гагры до кре-

4. Фамильное имя «Шервашидзе», преимущественно встречающееся в российских источниках и литературе, происходит от грузинского названия рода Чачба – «Шарвашидзе». В абхазском языке эта форма не употребляется. Однако между терминами «Чачба» и «Шервашидзе» нет смыслового различия, это два обозначения одного и того же исторического рода.

пости Анаклия. Как феодальное образование Абхазское княжество не отличалось централизацией власти. Владетельный князь непосредственно правил только западной частью его территории, до реки Кодор, Восточная Абхазия – Кодоро-Ингурское междуречье (абх. *Кудрыи-Егрыи рбжара*) – состояла из двух удельных владений, *Абжуйского* и *Самурзаканского*, которыми правили младшие ветви княжеского рода Чачба-Шервашидзе. Позднее из владетельского домена выделился еще один удел – *Гум*, в Центральной Абхазии. Удельные владельцы считались вассалами главного владетеля, хотя пользовались почти полной самостоятельностью. Кроме того, эти феодально-административные единицы Абхазии (в русских документах – *округа*) делились на отдельные села, или общины (абх. *акыта*), состоявшие, обычно, из нескольких поселков (*ацута*, *ахабла*). В первой половине XIX века в Бзыбском округе насчитывалось 33 общины, в Сухумском (Гумском) – 15, в Абжуйском – 18 общин. Во главе общины обычно стоял *ахылапшю* (покровитель, патрон) из какой-нибудь княжеской (*атауад*) или дворянской (*аамыста*) фамилии, рассматривающий данное село как свое наследственное владение. Села, принадлежавшие непосредственно владетелю или удельным владельцам, возглавлялись управляющими из числа вассальных князей или дворян. Некоторые из них с течением времени приобретали права обыкновенных ахылапшю.

Считается, что примерно с 1578 года Абхазское княжество стало вассалом Османской империи, но эта зависимость не была постоянной и устойчивой. В своих записях это отмечает еще турецкий путешественник Эвлия Челеби, посетивший Абхазию в 1641 году. Он называет абхазов «непокорным и мятежным» народом, не платившим дани. Подобная ситуация сохранялась и позднее. В Абхазии долго не было турецких войск и администрации. В начале XVIII века османцы постро-

или крепость в Сухумской бухте на месте древнего римского укрепления, но не смогли проникнуть вглубь страны, хотя турецкое влияние распространилось в различных сферах абхазской жизни, выразившееся и в распространении ислама. Правда, лишь поверхностно усвоенном абхазами.

По свидетельству К.Пейсонеля, французского консула в Крыму в 1753–1757 годах, османское правительство назначало в Абхазию своего бея, называемого беём абазинцев (абхазов. – Г.А.), который, однако, пользовался только титулом начальника без всякой власти. «Резиденция бея находится в Сухуме, – пишет Пейсонель. – Главное начальство в этой местности принадлежит паше Черноморского побережья, но абазинцы не повинуются ни ему, ни турецкому бею, и лишь одна сила может привести их к покорности и повиновению». Грузинский историк и географ XVIII века царевич Вахушти считает абхазского владетеля совершенно независимым правителем («Шарвашидзе, державец абхазский, никому не подвластен»). Аналогичная оценка политического состояния Абхазии дана в записке Коллегии иностранных дел России от 1753 года: «Большой Абазы, никому не подвластной».

Восточные, западноевропейские и русские авторы XVII–XIX веков и абхазов, и предков северокавказских абазин именуют одинаково – абхазами или абазой (основа обеих форм – древний этноним «абазг»). Русский кавказовед Л.Я.Люлье в 1857 году в связи с этим писал: «Во избежание всякого недоумения следует объяснить, что Abazintci и Abadzas... суть одни и те же, поэтому неосновательно было бы полагать какое-либо различие между названиями Абазов, Абазинцы и Абхазы». По объяснению ученого: «Слова Абазия и Абхазия есть название одной и той же страны: первое – произносимое по-черкесски, а второе – по-грузински». Так, например, в русских письменных источниках XVII–начала XIX века абхазы обычно именуются абазой, абазинами.

Лишь позднее в русском языке, под влиянием грузинского, укореняется термин «абхаз/абхазец» (изредка встречается переходная форма – «абхазин»), а термин «абазины» закрепляется за северокавказской ветвью абхазо-абазинской общности, которая к концу XIX века сформировалась в отдельную народность. В разноречивых источниках территория нынешней Абхазии вместе с Северо-Восточным Причерноморьем именуется *Большой Абхазией* (или *Большой Абазой*), а земли на Северном Кавказе, где проживали предки современных абазин (верховья Кубани и ее горных притоков, а также верховья Кумы и Подкумка), – *Малой Абхазией* (*Малой Абазой*). У более поздних авторов термин «Малая Абхазия» охватывает страну садзов (см. ниже), но возможно это позднее переосмысление термина. Исторические источники однозначно указывают, что северокавказские абазины выходцы из областей, расположенных у Черного моря, южнее Кавказского хребта. Видимо, поэтому Большую Абхазию иначе называли также *Старой Абхазией*.

Малоэффективность турецкого наступления на Абхазию объясняется кроме народного сопротивления также факторами природно-географического порядка. Горно-лесистый характер страны с заболоченным побережьем, недостаток подножного корма для лошадей и почти полное отсутствие колесных дорог, препятствовали движению войск, незнакомых с местностью.

По свидетельству барона Торнау⁵, «абхазские леса были

5. Торнау Ф. Ф. (1810-1890) – русский офицер, военный разведчик, дипломат и писатель. Происходил из курляндских дворян. В 1830-х годах Торнау совершил несколько разведывательных экспедиций в горы Западного Кавказа, в ту пору недоступные для русских. Во время последней экспедиции был разоблачен и провел в плену более двух лет. Позднее на основе своих наблюдений написал ценные документальные литературные произведения о Кавказе. В воспоминаниях Торнау находим данные о положительных качествах, присущих абхазам и адыгам, с которыми он встречался во время своих странствий.

непроходимы для того, кто не знал местности и всех проложенных по ним воровских тропинок. Дерево теснилось возле дерева, огромные пни и корни деревьев, опрокинутых бурей, загораживали дорогу со всех сторон; колючие кусты и тысячи нитей от вьющихся растений, снабженных острыми шипами и широкими листьями, пересекали путь и составляли непроницаемую сеть, через которую можно было прорываться только с помощью топора и кинжала. Поэтому иногда, даже видя неприятеля, нельзя было до него добраться и его преследовать». К тому же Абхазия находилась в отдалении от основных турецких баз в Причерноморье. Недаром отмечается в османском документе XVIII века: «[Сухумская] крепость расположена в конце Черного моря, в окружении неверных абхазов, на большом расстоянии от Трабзона и Крыма».

В 1784–1808 годах владельцем князем Абхазии был Келешбей (Келеш Ахмед бей) Чачба (Шервашидзе), которого современники характеризуют как человека, одаренного умом, силой и предприимчивостью. Турки доверяли ему, так как он вырос в Стамбуле, служил в султанских войсках, имел репутацию правоверного мусульманина, и помогли занять абхазский престол после смерти дяди, владельца Зураба, считавшегося в Турции мятежником и вероотступником. С новым владельцем Абхазия вернулась под сюзеренитет Порты. При этом Келешбей сохранил за собой и пост коменданта Сухумской крепости, который занимал накануне своего вокняжения, и звание двухбунчужного паши⁶. Сухумская крепость, в недавнем прошлом турецкий форпост, становится главной резиденцией абхазского владельца.

Однако Келешбей не стал ревностным проводником ос-

6. Бунчук – длинный шест с золоченым шаром на конце и пучком волос из конского хвоста. Знак отличия достоинства паши – однобунчужного, двухбунчужного и трехбунчужного.

манских интересов, хотя всячески подчеркивал свою преданность султану. Порою даже собственное войско (8–12 тысяч человек, в отдельных случаях вместе с союзными и наемными отрядами свыше 20 тысяч) он объявлял турецким, но при этом, по словам историка Кавказа, феодосийского губернатора Семена Броневского, «мало заботился о выполнении фирманов, от Порты посылаемых». Опираясь на силу оружия и дипломатию макиавеллистического толка, Келешбей проводил активную внутреннюю и внешнюю политику. Он расширил свои домениальные земли, подчинил *садзов* (племена абхазского корня, населявшие территорию от Гагры до Сочи) и вмешивался в междоусобицы западногрузинских феодалов. По свидетельству современника: «Келеш-бей был удачливым там и почтеннейшим, кроме абазинских народов, уважаем весьма грузинскими и черкесскими».

Как известно, начало XIX века – это период вхождения Закавказья в состав Российской империи. В Западную Грузию русских призвал мегрельский *мтавар* (владелец) Григол Дадиани, теснимый войсками имеретинского царя Соломона II. Соломон стремился подчинить себе Одишское (Мегрельское) княжество, но в июле 1804 года, в ответ на просьбу Дадиани, император Александр I подписал акт о присоединении Мегрелии к России на автономных началах. Это не только нарушило объединительные планы имеретинского царя, но и стало началом конца османского присутствия в Западной Грузии, которую в Стамбуле все еще рассматривали как часть своей политической системы.

Вскоре в Одиши высадился отряд русских войск, заложивший в устье р. Хоби укрепленный пост, получивший название *Редут-Кале*. Это первое русское укрепление на восточном берегу Черного моря находилось посередине между турецкой крепостью Поты (тур. *Фаш-Калеси*) и

Анаклией, которую удерживали абхазы от имени турецкого султана.

Келешбей, желая сыграть на русско-турецких противоречиях, в 1803 году установил связь с главнокомандующим русскими войсками на Кавказе генералом Цициановым, однако секретные переговоры на предмет принятия российского покровительства не дали определенных результатов, а в 1805 году дело дошло даже до вооруженного столкновения. В Абхазии находился в заложниках юный наследник мегрельского престола Леван Дадиани, которого Келешбей не отпускал домой, несмотря на настойчивые требования русских. Чтобы сделать абхазского владетеля уступчивее, генерал Рыкгоф, командующий русскими войсками в Мегрелии, атаковал и захватил Анаклийскую крепость. Но конфликт был вскоре улажен, Келешбей отпустил княжича и получил назад Анаклию.

Открытый разрыв с Османской империей у абхазского владетеля произошел в конце 1805 года, когда он приютил у себя беглого турецкого сановника Таяр-пашу, обвиненного в государственной измене. Султан Селим III потребовал голову беглеца, посулив Келешбею взамен третий бунчук и другие достоинства, но владетель, ссылаясь на закон гостеприимства, не только не выполнил приказ, но и помог опальному паше бежать в Россию, чем навлек на себя «всю тяжесть гнева султана». Летом 1806 года против Абхазии была направлена турецкая флотилия из 11 кораблей с десантом на борту. Однако ее начальник, обнаружив, что Келешбей располагает сильным войском и береговыми укреплениями, без боя повернул назад. Не смогли выступить и правители пограничных эялетов Северо-Восточной Анатолии, получившие приказ действовать начальнику флотилии, так как дорога через Западную Грузию была блокирована русскими войсками. С этого момента, как сказано в документе, абхазский владетель

больше «повелений султана не исполнял, управляя своим народом».

Порвав с формальной зависимостью Абхазии от Османской империи, Келешбей не спешил вступать в подданство России, активно утверждавшейся на Южном Кавказе. Генерал Рыкгоф в своем рапорте от 8 июня 1807 года⁷ отмечает: «Келеш-бек только наружно оказывает русским его дружбу». Если исходить из конкретных фактов, примечательно, что в марте 1807 года русские предложили Келешбею отбить у турок крепость Поты (шла русско-турецкая война 1806–1812 гг.), в которой начальствовал Кучукбей Чачба, родственник владельца. Абхазские отряды выступили в поход, но активного участия в боях не приняли, а затем были распущены под предлогом отсутствия продовольствия.

Знаменательно, что в это же самое время Абхазией заинтересовался Наполеон, замышлявший создать под эгидой Франции ирано-турецкий военный союз, направленный против России. Своему представителю в Стамбуле полковнику Себастиани он предписывает поддерживать добрые отношения с абхазским князем (Келешбеем), чтобы привлечь его в этот союз. По идее императора французов, союзники должны были устроить большую диверсию на южных границах Российской империи, одновременно атаковав Грузию, Крым и Бессарабию.

В столь непростой политической обстановке в ночь на 2 мая 1808 года 61-летний владетельный князь Абхазии Келешбей был убит в своей сухумской резиденции. Кто «заказал» это убийство, доподлинно не известно. Российские источники обвиняют в этом старшего сына владельца, Асланбея, ярого противника России, но в устранении Келешбея могли быть

7. Здесь и далее даты приводятся по старому стилю.

заинтересованы и турки, и некоторые феодальные кланы Абхазии «за его слишком крутое обращение с ними», и русское начальство в Тифлисе (как именовали тогда на русском языке Тбилиси, ставший к этому времени центром российских владений на Кавказе), разuverившееся в преданности абхазского князя.

УСТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ПРОТЕКТОРАТА НАД АБХАЗИЕЙ (1810–1830 гг.)

Убийство Келешбея дестабилизировало обстановку в Абхазском княжестве. Остро встал вопрос о престолонаследии. Власть захватил Асланбей, заявивший о своей верности султану. Против него выступил второй сын Келешбея – Сафарбей, принявший крещение под именем Георгия. Однако Сафарбей–Георгий не имел сил для борьбы с Асланбеем и, «не рассчитывая много на поддержку народа», ушел в Мегрелию, откуда с помощью мегрельской правительницы Нино Дадиани, на золотке которой был женат, обратился к Александру I с просьбой о подданстве и поддержке. Из Петербурга пришел положительный ответ, но так как дело происходило во время перемирия с Турцией, было предписано хранить все в тайне до благоприятного момента.

Интересы русского правительства в Абхазии. Объектом пристального внимания правящих кругов России Абхазское княжество становится во второй половине XVIII века, когда борьба Российской империи за выход к Черному морю достигла решающей стадии. Абхазия вызывала интерес русского правительства в первую очередь своим выгодным гео-

графическим расположением, как один из возможных путей через Кавказ в Грузию и на Ближний Восток. Так, еще в 1752 году астраханский губернатор И.Брылкин собирал сведения о дороге от Кубани к Грузии, называемой «Абазинской». Его интересовал вопрос: «какими местами та дорога лежит и к маршированию войска способная быть может ли?».

Привлечь внимание русских к Абхазии настойчиво стремились грузинские дипломаты, заинтересованные в российском присутствии в Восточном Причерноморье в противовес Османской Турции. Так, в 1785 году имеретинский посол Зураб Церетели предлагал в Петербурге построить крепость и порт в *Цихисдзири* (Аджария), откуда можно было распространить русское влияние на Имеретию, Гурию, Одиши и Абхазию. Спустя два года, глава нового имеретинского посольства Виссарион Габашвили (поэт Бесики) снова поднимает вопрос об Абхазии. В докладной записке от 16 сентября 1787 года, врученной русскому главнокомандующему в войне с Турцией, князю Потемкину, он предложил ввести русские войска в Абхазию, пока там не закрепились турки. При этом посол отмечал, что среди абхазов много христиан, в том числе и князя, что облегчит дело. В 1789 году Бесики смягчил имеретинские требования и, не настаивая уже на вводе войск, предложил признать независимость Абхазии от Турции («Абхазию оставить по себе», «дать им волю») и урегулировать с ней торговые отношения, что в дальнейшем, по мнению поэта и дипломата, приведет к добровольному принятию абхазами российского покровительства.

В Петербурге понимали, что присоединение Абхазии к России может сыграть решающую роль в вытеснении турок из Восточного Причерноморья, укрепит российский контроль над Западной Грузией и создаст плацдарм в тылу воинственных народов Северо-Западного Кавказа. Кроме того, обла-

дание удобной Сухумской гаванью значительно облегчило бы морские коммуникации между Крымом и Закавказьем, что имело стратегическое значение, так как Военно-грузинская дорога, единственная транскавказская магистраль, контролируемая русскими, находилась под постоянной угрозой нападений горцев и движение по ней происходило под прикрытием военных конвоев. Наконец, интерес российского правительства вызывали природные ресурсы Абхазии, в особенности, богатые корабельные леса.

Завоевание Сухумской крепости и установление российского протектората. Весной 1809 года в Западной Грузии возобновились боевые действия между Россией и Турцией. Русские войска осадили Поти, вынудив Кучукбея сдать крепость и отплыть в Трабзон с остатками гарнизона (ноябрь 1809г.). После взятия Поти наступила очередь Имеретинского царства, так как Соломон II, в отличие от правителей Мегрелии и Гурии, не думал покоряться русским. В имеретинской кампании 1810 года русским войскам помогали ополчения мегрельских и гурийских феодалов. Асланбей, состоявший в союзе с Соломоном, с 4-тысячным отрядом двинулся против Мегрелии, но в это время – 8 июля 1810 года – в Сухумской бухте показалось соединение российского Черноморского флота в составе 66-пушечного корабля, трех фрегатов и двух канонерских лодок, с десантом морской пехоты на борту. Асланбею пришлось спешно возвращаться назад.

По описанию В.А.Потто, подступившая к Сухуму эскадра, «со всех судов открыла жестокий огонь по городу. На другой день к вечеру большая часть крепостных амбразур была уже разрушена, лафеты подбиты, суда, стоявшие на рейде, затоплены, и сам город, объятый пламенем, представлял страшную картину разрушения». Два дня гарнизон оборонялся, но на третий день, высаженный на берег десант с двумя поле-

выми пушками, сломал ворота и захватил крепость, подняв на бастионе русский флаг. По российским источникам, защитники города потеряли 300 человек убитыми и 78 пленными (из них пятеро тяжелораненых вскоре скончались), потери русских составили 109 убитых и раненых.

Через несколько дней в полуразрушенный город вошла новая колонна русских войск в сопровождении Георгия (Сафарбея) Шервашидзе, провозглашенного владельческим князем под сюзеренитетом России, императору которой он принес «публично перед народом присягу на вечную верность». Асланбей к тому времени отступил в Джигетию⁸ «с весьма малым числом ему преданных». Впоследствии он еще много лет боролся против русских ставленников в Абхазии.

Взятие Сухумской крепости и возведение российского ставленника на абхазский престол было крупным успехом русской политики на Кавказе. Главнокомандующий войсками в Грузии и на Кавказской линии генерал Торماسов в письме к главе Государственного Совета Российской империи, графу Н.П.Румянцеву, от 6 августа 1810 года поздравил его с приобретением «...Сухумской крепости, владычествующей над всем народом абхазским... и превосходной гавани, делающей нас теперь полными властелинами того берега Черного моря».

Вскоре после этого и Соломон Имеретинский потерпел поражение от русских войск и бежал в Турцию, где умер через несколько лет. Его царство было превращено в провинцию Российской империи под названием *Имеретинская область*. Управляющему Имеретией вверялся также общий надзор за княжествами – Мегрелией, Абхазией и Гурией. Имеретинская область, со своей стороны, находилась в за-

8. Джигетия (от груз. Джикети) – так в российских источниках XIX в. именуется страна садзов (абх. Садзын). Отсюда и русское название садзов – джигеты.

висимости от главноуправляющего в Грузии, являвшегося одновременно главным начальником закавказских владений Российской империи и главнокомандующим русскими войсками на Кавказе, те есть высшим представителем военной и гражданской власти в крае.

Царское правительство в некоторых пограничных или непрочны присоединенных районах Кавказа временно, на автономных началах, оставляло у власти местных феодальных владельцев – князей, ханов и др. Это делалось с целью использовать их ресурсы в российских интересах. Но как только отпадала нужда в этих правителях, автономии упразднялись, а территория непосредственно включалась в состав империи. В Восточном Причерноморье, расположенном между османскими владениями и землями независимых горских народов, правительство сочло целесообразным на время сохранить власть владельцев Мегрелии, Абхазии и Гурии. Из них Гурийское княжество было упразднено уже в 1828 году, когда правительница София Гуриели, уязвленная ущемлением ее владительных прав, вместе со своими детьми бежала в Турцию.

Абхазское и Мегрельское княжества сохранялись до второй половины XIX века. Владетельный дом Дадиани был верной опорой российской власти в регионе. Феодальное ополчение Мегрелии неизменно участвовало в подавлении антирусских выступлений в Имеретии, Гурии и Абхазии. Поэтому в Тифлисе особенно благоволили мегрельским мтаварам. В территориальных спорах с владельцами Абхазии и Гурии, российские администраторы обычно выносили решения в пользу князей Дадиани.

Автономный статус Абхазии сохранялся до 1864 года, что объясняется ее соседством с территорией воюющих с Россией горцев, и твердой уверенностью российских властей в том, что без поддержки дома Шервашидзе, пользовавшегося

авторитетом в народе, не удастся удержать Абхазию в рамках хрупкой стабильности и она присоединится к непокорным северным соседям.

Политико-административная структура Абхазского княжества. В составе Российской империи Абхазское княжество, где последовательно правили Георгий (Сафарбей) Чачба-Шервашидзе (1810–1821), а затем его сыновья – Дмитрий (Омарбей) (1821–1822) и Михаил (Хамытбей) (1823–1864)⁹, занимало значительно меньшую территорию, чем в предыдущий период. Горные общества Абхазии – *Цебельда (Цабал), Дал, Псху, Аибга, Ахчипсы, Чужгуча*¹⁰, где правили различные ветви княжеского рода Маршан (Маршания), не приняли покровительство Российской империи и отказались подчиняться владетелю – российскому ставленнику. Независимость сохранили также большинство обществ Джигетии, где под влиянием Георгия Шервашидзе русское подданство принял только князь Леван Цанба, владелец *Цандрипша*. Впоследствии, вплоть до 1864 года, отдельные садзские феодалы, то принимали русское подданство, то снова выходили из подчинения.

Прибрежные историко-этнографические области Абхазского княжества – Бзып, Гум, Абжуйское и Самурзаканское

9. В имениннике абхазских князей этого периода наличие двух имен – мусульманского и христианского – отражает их переход из ислама в христианство. Однако даже членов владетельного дома, открыто исповадавших православие, абхазы преимущественно знали под их мусульманскими именами.

10. Цабал и Дал (последний в источниках иногда называется Верхней Цебельдой) занимали верхнюю часть Кодорского бассейна, Общество Псху находилось в верхнем течении реки Бзыбь. Аибга и Ахчипсы – в верховьях рек Псоу и Мзымты, Чужгуча располагалась на реке Чужипсы. Жители этих обществ (за исключением Дал-Цабала) были известны под собирательным названием мдюаа, или медовейцы в русской передаче. Некоторые авторы XIX в. относят медовейцев к садзской общности, но другие считают их отдельной ветвью абхазского этноса, считая садзами только жителей приморской полосы. Между наречием, на котором говорили мдюаа, и бзыпским диалектом абхазского языка было небольшое различие.

владения, как и прежде, находились под верховной властью различных ветвей дома Чачба-Шервашидзе. Бзыбская Абхазия (*Бзып*) являлась доменом владельца, с резиденцией в *Лыхны*, так как Сухумская крепость, или Сухум-Кале, как ее называли на турецкий манер, с 1810 года стала опорным пунктом русских войск.

После вступления Абхазии в российское подданство, из-за начавшихся смут ослабло влияние абхазских владельцев на Самурзаканский округ, чем пытался воспользоваться мегрельский мтавар Леван V Дадиани, намеревавшийся овладеть этим пограничным районом. Гумский и абжуйский уделы сохранялись в составе Абхазского княжества вплоть до его упразднения в 1864 году, хотя их владельцы далеко не всегда подчинялись, а порой и враждовали с владельцами Абхазии. Гумом до конца 1830-х годов (с перерывом) правил один из младших сыновей Келешбея – Хасанбей, имевший резиденцию в *Келасурском* прибрежном поселении, где на живописном холме располагался его укрепленный замок. Абжуйским уделом правил князь Алибей (в христианстве – Александр), с резиденцией в селении *Кутол*.

Правление князя Георгия (Сафарбея). Первые годы после установления протектората России, ее влияние в Абхазии было минимальным. Русские войска занимали только Сухумскую крепость, практически не вмешиваясь в местный уклад жизни. Как отмечает Н.Ф.Дубровин, автор обширного сочинения «История войны и владычества русских на Кавказе», «Абхазия только на картах была введена в черту владений России, в действительности власть наша в этой стране была совершенно ничтожна». Политическая обстановка на новоприобретенной территории не внушала доверия русской администрации, не чувствовавшей себя в безопасности даже в стенах Сухумской крепости. По сообщению Потто, «Самый

гарнизон [Сухум-Кале] жил как бы в постоянной блокаде: нужно ли было нарубить в ближайшем лесу дров, или накопить сена – солдаты посылались вооруженными командами; никто из абхазцев не впускался в крепость вооруженным; сторожевая цепь, с ружьем у ноги, днем выдвигалась вперед на сто шагов от крепости; на ночь она убиралась, но крепостные ворота тогда запирались, и за стены выпускались собаки, которые оберегали гарнизон от нечаянных ночных нападений, громким лаем давая знать о приближении абхазцев, которых они ненавидели».

Владение Абхазией в первое время после установления российского протектората было сопряжено с такими трудностями, что в правительстве несколько раз возникал вопрос, не уступить ли ее обратно туркам, тем более что они оспаривали права на это вассальное владение. Однако в России были и влиятельные противники этой идеи. Так, крайне резко выступал против отказа от Абхазии генерал Ермолов, ссылавшийся на соображения геополитического и престижного порядка.

Георгий (Сафарбей) Чачба-Шервашидзе, получивший власть благодаря русским, не пользовался популярностью в народе. Ему приходилось обращаться с просьбами к русским властям прислать в Абхазию войска, чтобы «силой оружия унять» непокорное население. Начальник Имеретинской области, генерал Курнатовский в 1818 году прямо писал: «Абхазский владелец на самом деле еще слабее в управление своим народом, нежели как сам о себе пишет, так что не смеет почти показаться народу, не хотящему ему повиноваться. Главнейшая причина такого неповиновения есть та, что настоящий владелец утверждён в сем звании без дальнейшего исследования о преданности к нему абхазцев, – народа горского, вольного и воинственного». Эмигрировавший из

страны Асланбей по-прежнему себя считал законным владельцем, и в этом его поддерживали турки. Серьезным соперником Георгия считался и младший брат Хасанбей, владевший Гумский уделом. Потто характеризует его как «человека железного, предприимчивого характера, но, к сожалению, всей душой преданного мусульманству». У русских властей Хасанбей доверием не пользовался. Поэтому после смерти Георгия Шервашидзе (февраль 1821 г.) Было решено арестовать его и выслать из Абхазии. Начальник Имеретинской области генерал-майор князь Горчаков, в функции которого входил надзор над приморскими княжествами, был против такой жесткой меры, однако сухумский комендант майор Могилянский, выполняя волю более старшего командира, начальника главного штаба Отдельного Кавказского корпуса¹¹ генерал-лейтенанта Вельяминова, под благовидным предлогом пригласил к себе Хасанбея, и когда гумский владелец, как почетный гость, вошел в его дом, на него набросились солдаты, повалили на пол, обезоружили и связали веревками. Небольшая свита князя, остававшаяся во дворе, услышала шум и, заподозрив неладное, с обнаженными шашками бросилась на выручку. Запертые двери были сорваны с петель, но здесь нападавших встретили штыками. Двух абхазов закололи, остальных обезоружили. Арестованного Хасанбея тайно вывезли морем за пределы Абхазии и препроводили в Сибирь, где он прожил под надзором до 1828 года, когда был освобожден по ходатайству преемника Ермолова на Кавказе, генерала И.Ф.Паскевича (с 1829 года генерал-фельдмаршал).

11. Отдельный Кавказский корпус – войсковое формирование Российской империи, предназначенное для выполнения самостоятельных задач на Кавказском операционном направлении. Создан в 1820 г. на базе войск, расположенных в Закавказье и на Кавказской линии. В 1857 г. преобразован в Кавказскую армию.

В.А.Потто приводит любопытный эпизод, связанный с шашкой Хасанбея, интересный с разных точек зрения как документ своего времени. По словам историка: «Гордый абхазский князь уединенно и мрачно провел эти годы изгнания, не прося ни участия, ни снисхождения. С одним он не мог примириться – с потерей дорогого для него оружия. Неоднократно обращался он и в Тифлис, и в Петербург, прося единственной милости – возвращения ему заветной шашки, отобранной у него Могилянским при аресте.

Он писал, что шашка эта досталась ему по наследству от предков, что по доброте и древности своей она не имеет цены и известна целой Абхазии. Ему не отвечали. Но когда он вернулся из Сибири, то принялся хлопотать с такой настойчивостью, что просьба его дошла до самого государя. Император Николай рыцарским чувством оценил всю важность утраты азиатского князя и приказал, во что бы не стало разыскать шашку. Могилянского в то время уже не было на Кавказе, он служил в Херсоне и на все вопросы отвечал, что ни вещей, ни сабли Хасан-бея при его аресте к нему не поступало, что вещи и оружие захвачены были командой и что Могилянский не считал себя возможным отбирать их от солдат, которым они достались по праву войны. Могилянский писал, однако, что у него, действительно, имеется сабля, которую он купил на Кавказе у поручика Бочкарева за сто пятьдесят голландских червонцев, но чья была эта сабля, ему неизвестно¹². Потребовали мнение по этому поводу от командовавшего тогда войсками на Кавказе барона Розена. Розен отвечал, что Хасан-бей был взят не в бою, а арестован в Сухуме, и поэтому вещи его никак не могли принадлежать команде по праву войны. “Что же касается до отзыва Могилянского о неизвестности, кому принадлежала сабля, – писал он далее, – то он неоснователен; кто знает здешние обычаи, тот может удостовериться, что никакое оружие никогда не продается

12. Подпоручик Бочкарев, участвовавший в аресте Хасанбея, погиб в 1821 г. и, таким образом, не мог подтвердить правдивость сообщения Могилянского.

здесь без больших или меньших рассказов об его истории". По резолюции государя сабля была отобрана у Могилянского, и Хассан-бей имел удовольствие получить ее ровно через одиннадцатый лет после своего ареста. Сабля сопровождается была к нему при собственноручном письме барона Розена».

Восстание 1821–1824 годов. Смерть владельца и вероломный захват Хасанбея повлекли за собой массовые волнения в Абхазии. Народное движение возглавил Асланбей, спешно вернувшийся на родину. Силы его быстро росли. 11 сентября 1821 года он торжественно проехал под самыми стенами Сухумской крепости во главе значительной конницы и с пятью распущенными знаменами. Затем абхазское ополчение, усиленное отрядами садзов и убыхов, выдвинулось к самурзаканской границе.

Для усмирения Абхазии князь Горчаков выступил в поход с военными силами (5 пехотных рот при двух орудиях и полусотня казаков). Его сопровождал с отрядом лечхумской¹³ конницы в 600 сабель один из высших сановников Мегрельского княжества, полковник Николай Дадиани или, как его называли в народе, «Большой Нико» (впоследствии генерал-майор, автор исторического сочинения «История Грузии»). Николай Дадиани, опираясь на свои родственные связи с абхазской знатью, уговорил абжуйского владельца Алибея (Александра) Чачба и князя Салрыпа Маршан, «которого слушались все цебельдинцы», отступить от Асланбея.

Асланбей, лишившись важных союзников, отошел к устью Кодора, и здесь с 3-тысячным войском встретил Горчакова. Бой длился 16 часов, но русские с применением артиллерии прорвали укрепленные позиции повстанцев и 13 ноября

13. Лечхуми – историко-этнографическая область в Западной Грузии. В рассматриваемое время входила в состав Мегрельского княжества.

1821 года вступили в Сухумскую крепость. Оттуда Горчаков, выслав часть войск к Цебельде, с основными силами вторгся в Бзыбскую Абхазию, опустошая все на своем пути. Асленбей с несколькими всадниками ушел в Джигетию. Каратели преследовали его до реки Бзыбь, где сожгли дворец князя Нарчоу Инал-ипа, разорили окрестные села и повесили двух пленных повстанцев «для устрашения абхазов».

Князь Горчаков провозгласил владельцем Абхазии старшего сына Георгия Шервашидзе, Дмитрия (Омарбея), который с 1810 года воспитывался в Петербурге как заложник, а теперь был послан на Кавказ. Для защиты молодого владельца в его лыхненской резиденции были оставлены две пехотные роты с двумя орудиями. В январе 1822 года Асланбей с отрядом садзов атаковал Лыхны, но был отброшен русскими и покинул пределы Абхазии.

Нового владельца, Дмитрия, забывшего родной язык за годы пребывания на чужбине, народ не признавал своим. Носились слухи, что вместо настоящего княжича к ним прислали другого человека. «Если бы он был из Шервашидзево́й фамилии... то не отдал бы свои земли русским. Если он истинный сын покойного Сефербея, то пусть выгонит русских из своего владения и из Сухума», – так, в передаче Дубровина, говорили абхазы. Однако в октябре 1822 года Дмитрий умер после непродолжительной болезни. Согласно официальной версии, его отравил одним из сторонников Асланбея, крестьянин Урус Лакоба (Лаквари), которого повесили за это по приказу Ермолова. Впрочем, существует и другая версия, что причиной смерти князя послужила жестокая абхазская малярия.

В 1823 году владельцем Абхазии был утвержден второй сын Георгия Шервашидзе, 17-летний Михаил (Хамытбей), который, в отличие от обрусевшего Дмитрия, «был воспитан в обычаях родины». Но власть его была еще более слабой.

Только 300 русских солдат с тремя орудиями при десяти офицерах, да горстка верных абхазов обеспечивали его безопасность в Лыхны. В стране продолжались волнения, усилившиеся к 1824 году. Для устрашения абхазов русские власти решили примерно наказать жителей некоторых селений. В ночь на 29 мая 1824 года отряд войск сухумского гарнизона силой в 225 штыков сжег селение Акапа в окрестностях города, но на обратном пути попал в засаду и был разбит, потеряв 42 человека. В числе первых был убит сухумский комендант подполковник Михин, возглавлявший вылазку. Это послужило сигналом для восстания, охватившего всю Абхазию. На турецком корабле поспешил на родину Асланбей. Повстанцы блокировали сухумский и лыхненский гарнизоны, нападали на владения феодалов, верных России.

Русское командование приняло энергичные меры для подавления восстания. На Абхазию вновь двинулся Горчаков с двумя регулярными батальонами (1400 чел.) при четырех орудиях и мегрельской милицией (1100 чел.)¹⁴. Для содействия войскам из Севастополя были вызваны боевые корабли. Первая стычка с абхазами произошла на границе с Мегрелией. Русские с боями продвигались вперед. Особенно трудным оказался последний переход в 25 верст, когда войска шли по узкому пляжу между морем и густым лесом, «среди непрерывного боя, палящего зноя и по раскаленному песку». Неоценимую помощь наземным силам оказала корабельная группа поддержки (три фрегата и три брига), расчищавшая путь отряду артиллерийским огнем. «Убедившись, что остановить наступление русских нельзя, – пишет

14. Милиция – иррегулярные формирования русской армии на Кавказе, рекрутируемые из местного населения. Отряды милиции обычно призывались во время обострения военной обстановки, а затем распускались по домам, но отдельные части содержались на постоянной основе.

В.А.Потто, – абхазцы рассыпались по опушке леса; и, оставив в покое солдат, стали стрелять исключительно по артиллерийским и вьючным лошадям. Скоро большая часть их была перебита, и отряд хотя дошел до Сухума, но там вынужден был остановиться, так как не на чем было везти ни провианта, ни снарядов, ни орудий».

Русские войска достигли Сухумской крепости к вечеру 10 июля, а 20-го началось наступление на Бзыбский округ. Продемонстрировав ложным маневром, что войска пойдут береговой дорогой, Горчаков свои главные силы перебросил морем на Бамборский мыс (близ Лыхны). Правительственные войска рассеяли повстанцев и деблокировали лыхненское укрепление, находившееся в глухой осаде почти 50 дней, но удержать резиденцию не представлялось возможным. Абхазы снова стали собираться в боевые группы и Горчаков, забрав с собой спасенный гарнизон и орудия, поджег укрепление и вернулся в Сухум-Кале тем же путем, отбивая наскоки повстанцев. На этом кампания 1824 года была завершена. Походы Горчакова не привели к закреплению русской власти над Абхазией и отвод правительственных войск превратился в вынужденное отступление. Оставив две роты на усиление сухумского гарнизона, Горчаков с остальными силами 2 августа переправился в Редут-Кале морем, так как по слухам береговую дорогу занимали цебельдинцы.

Потери регулярных войск в этой экспедиции составил убитыми и ранеными 6 офицеров и 222 нижних чина, из которых почти половина была выбита из строя 10 июля в бою на прибрежной дороге. Ощутимый урон понесла и милиция, что видно из письма Левана Дадиани к Ермолову: «...убиты и ранены у меня люди знатные, князья и дворяне в немалом числе, а о простолюдинах умалчиваю», – пишет мегрельский правитель.

Покинуть Абхазию вместе со своими домочадцами пришлось и Михаилу Шервашидзе, лишенному поддержки своего народа. Он вернется домой в 1830 году с вместе с новым отрядом русских войск и уже твердо возьмет власть в свои руки. А до этого момента Михаил проживал преимущественно в Мегрелии или в Тифлисе, посещая свои владения лишь наездами. На территории Абхазии русские в течение шести лет оставались только в Сухумской крепости.

Генерал Ермолов хотел повторить карательный поход, чтобы жестоким наказанием заставить абхазов смириться, но князь Горчаков, лучше знавший местную обстановку, убедительными доводами отклонил его от этой мысли. Вскоре осложнения с Персией и дела на Кавказской линии отвлекли внимание главнокомандующего и Абхазия временно была оставлена на произвол судьбы. О том, что происходило там, высшее начальство узнавало только из случайных донесений сухумского коменданта.

После вывода русских войск из Абхазии (гарнизон Сухум-Кале удерживал только крепость, не контролируя даже ближайшие окрестности), освободительная борьба абхазского народа переросла в междоусобную войну князей. Снова горели деревни, а население пряталось в лесах от бедствий войны. Обстановка, по-видимому, относительно стабилизировалась только к началу 1827 года, когда, по выражению нового главнокомандующего Паскевича: «Абхазия... свернула, наконец, знамя бунта и в чистосердечном раскаянии в своем безумии, дорого стоившем ей от междоусобного кровопролития, изъявила готовность покорствоваться священной воле всеавгустейшего монарха».

Тем не менее сухумский гарнизон оставался в блокаде. В январе 1830 года Паскевич пишет управляющему главным штабом графу Чернышеву: «Несмотря на то, что крепост-

ца Сухум-Кале и поныне занимается нашими войсками, но прочного и постоянного сухопутного сообщения по сему пространству, заключающему Абхазию, никогда не существовало и все сношения между Редут-Кале и Сухум-Кале производились, и поныне производятся, морем. Затруднительны переправы чрез многие речки, с сей стороны в море сливающиеся и непостоянным разливам подверженные, а более еще буйным и своевольным нравом абхазцев... всегда готовых к нападению на малые команды русских войск».

ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ИСТОРИИ (1830–1853 гг.)

Османское правительство, долго не признававшее переход Абхазии под власть Российской империи, после поражения в русско-турецкой войне 1828–1829 годов, вынуждено было наконец смириться с этим фактом. 4-я статья Адрианопольского мирного договора (1829 г.) провозглашала переход в «вечное владение» России городов Ахалцихе и Ахалкалаки с прилегающими землями, а также Восточного Причерноморья от устья Кубани до пристани Святого Николая (южнее Поти) с находившимися здесь крепостями Анапа и Поти.

Таким образом, османцы уступили России не только Имерети, Мегрелию, Гурию и Абхазию, в той или иной форме уже входившие в состав Российской империи, но и территорию Северо-Западного Кавказа, которой фактически никогда не владели. Эта была обширная область (примерно 53000 кв.км) между Кубанью и Черным морем с политически раздробленным, но многочисленным населением, способным на серьезное сопротивление. Основная часть местных народов и территориально-племенных групп принадлежала к адыго-абхазской (адыго-абхазо-убыхской) этнической группе. Из них адыгскую

(черкесскую) ветвь составляли *натухайцы (натхокуаджи), шапсуги, абадзехи, бжедухи, темиргоевцы (кемгуи), бесленевцы, хатукаевцы, егерукаевцы, мамхеги, махоши (махошевы), закубанские кабардинцы* и др. Абхазо-абазинская ветвь была представлена *садзами и медовейцами*, проживавшими в приморье и на южных скатах Кавказских гор, и племенными группами *тапанта* и *ашхарауа* (на северных скатах и предгорьях). Наконец, в бассейнах рек *Сочи* и *Шахе* проживали *убыхи* – третья ветвь адыго-абхазской общности.

Начало большой войны на Северо-Западном Кавказе.

«Приобретение от Турции Анапы и верховных прав на Закубанский край и все кавказское побережье Черного моря, – пишет Е.Г.Вейденбаум¹⁵, – развязало, наконец, русскому правительству руки в отношении черкесских племен: явилась возможность принять меры к подчинению их нашей власти, не опасаясь протестов со стороны Порты». В России, однако, мало знали обитателей «унаследованных» от Турции земель, и поэтому Паскевич посчитал нужным издать прокламацию, чтобы ввести в курс дела новых «подданных». По словам его биографа князя Щербатова: «В особо изданной к этим племенам прокламации фельдмаршал объявлял, что, признав крепости Анапу, Поти и Ахалцых и весь восточный берег Черного моря, от устья Кубани до крепости св. Николая, безусловным достоянием России, Порта торжественно, перед лицом целого света, отказалась на вечные времена от всех кавказских народов и признала их навсегда подданными Российской империи. “Доблестным племенам кавказским” возвещалось, что теперь восходит для них “новая заря благоденствия”, но они мрачно взирали на эту зарю порядка и чуждой им гражданственно-

15. Вейденбаум Е. Г. (1848–1918) – русский историк и этнограф Кавказа, председатель Кавказской археографической комиссии. Занимал ответственные должности в кавказской администрации.

сти...». В глазах черкесов Адрианопольский трактат был простой бумажкой. Султана они почитали как халифа, главу правоверных, но не считали себя его подданными¹⁶. Поэтому горцы не признали договор, заключенный за их спиной. Торнау передает их слова: «Мы и наши предки были совершенно независимы... Султан нами не владел и потому не мог нас уступить». Он же пересказывает забавный ответ шапсугского старшины, которому генерал Н.Н.Раевский (по другим сведениям – генерал С.С.Малиновский) пытался объяснить, что султан подарил их русскому царю: «А! теперь понимаю, – ответил шапсуг и показал ему птичку, сидевшую на ближнем дереве. – Генерал, дарю тебе эту птичку, возьми ее!».

Тем не менее император Николай I считал Адрианопольский трактат законным основанием для покорения горских народов Западного Кавказа. Вдохновленный победами своих войск над Ираном и Турцией в 1828 и 1829 годах, он пишет графу Паскевичу: «Кончив, таким образом, одно славное дело, предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз, гораздо важнейшее, – усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных».

Выполняя державную волю, Паскевич подтянул на Кавказскую линию полки, вернувшиеся из Азиатской Турции, и активизировал боевые действия. В октябре 1830 года он лично возглавил крупный отряд и, перейдя на левый берег Кубани, сжег много аулов и имел столкновения с шапсугами. Однако, будучи опытным военачальником, Паскевич понял, что по-

16. Показательно, что когда анапский паша Хаджи-Хасан Чечен-оглу в 1826 г. потребовал от ближайших к Анапе племен – натухайцев и шапсугов подчиниться султану и платить налоги на содержание турецкого гарнизона, адыгские старшины ответили, что приняли мусульманство по доброй воле и не позволят, чтобы кто-либо почитал их завоеванными и требовал податей. Паша грозился силой принудить их к покорности, но не решился на столь радикальный шаг.

добные «поиски» можно рассматривать лишь как временные меры устрашения. Для окончательного покорения черкесов он занялся разработкой стратегических планов, рассчитанных на несколько лет¹⁷. По сообщению А.П.Щербатова, последние месяцы своего пребывания на Кавказе «фельдмаршала наиболее заботили горские народы, унаследованные нами от турок по Адрианопольскому договору». В своих теоретико-стратегических выкладках главнокомандующий намечает одновременные удары с разных направлений. В его планах важная роль отводилась Абхазии, как плацдарму для обеспечения наступательных действий с юга, хотя при этом многое зависело от политической обстановки в княжестве. По словам Щербатова: «Если успокоятся абхазы (разрядка наша. – Г.А.), то предполагалось предпринять большую экспедицию в горы (правого фланга) со стороны Абхазии и Анапы».

Паскевич разделил Кавказскую линию на 4 военных отдела, получившие названия: 1) левый фланг, 2) центр, 3) правый фланг и 4) Черноморская кордонная линия. Правый фланг простирался от *Хумаринского* укрепления на Кубани (севернее нынешнего Карачаевска) до кордонного поста *Малолагерный* в 18 километрах ниже устья Лабы. Однако в данном контексте «правый фланг» должно включать также и Черноморскую кордонную линию, которая располагалась западнее, и тянулась по правому берегу Кубани до Таманского полуострова. В 1856 г. при реорганизации отделов Кавказской линии, Черноморская кордонная линия вошла в состав правого крыла.

17. В рассматриваемое время планы по покорению кавказских горцев составляли многие военные и статские (гражданские) чины Российской империи. Предлагались как мирные, экономические способы привлечения горцев к России, так и меры военного характера, вплоть до самых фантастических, как, например, взрывать порохом кавказские горы. Понятно, что авторами подобных проектов были люди совершенно не знавшие Кавказа. Большинство военных склонялось к приоритету силового решения вопроса.

Лучшее знакомство с топографией Северо-Западного Кавказа, приобретенное в ходе боевых действий, в дальнейшем убедило российское верховное главнокомандование в том, что стратегические наступление здесь предпочтительнее вести не в меридиональном, а в широтном направлении, от верхнего течения Кубани к морю. Однако до самого конца войны на Кавказе, для русского командования Абхазия оставалась важным рубежом, прикрывающим Западное Закавказье, а также одним из районов оснащения и базирования Черноморского флота.

Таким образом, к 1830 году народы Северо-Западного Кавказа оказались втянутыми в войну с Российской империей. До этого регион не был объектом прямых завоевательных устремлений России, хотя обоюдные набеги между закубанцами и русскими войсками и казаками были частым явлением. По сообщению Торнау: «Абречничество распространилось за Кубанью в то время, когда бежавшие кабардинцы, озлобленные покорением их земли, дали обет, пока живы, мстить русским. Скоро из разных мест молодые люди стали уходить к неприятелю, провозглашая себя абреками¹⁸, без другого повода кроме удализма и страсти к похождениям». Уже в десятых-двадцатых годах XIX века мелкие стычки на Кубани происходили практически ежедневно. Современный российский историк К.В.Скиба применительно к Северо-Западному Кавказу ситуацию с конца 1790-х по 1829 год предлагает именовать «малой Кавказской войной», а с 1830-х годов – «большой Кавказской войной».

18. Абреками на Кавказе называли людей, изгнанных из общины и ведущих скитальческий и разбойничий образ жизни. В годы Кавказской войны царские власти «абреками» именовали набежников на русские пределы (часто это были бывшие «мирные» горцы, перебежавшие к «непокорным»). После завоевания Кавказа термин «абрек» становится синонимом «благородного разбойника», или народного мстителя, ведущего вооруженную борьбу с произволом государственно-административной машины. Впрочем, порой действия абреков были неотличимы от обыкновенного разбоя.

После покорения Кабарды на Кавказе оставались два очага горского сопротивления, являвшиеся по существу самостоятельными театрами военных действий. 1) восточный – Чечня и Нагорный Дагестан, политически объединенные в рамках Кавказского имамата, и 2) западный – зона расселения адыго-абхазских народов Северо-Западного Кавказа – западных адыгов, убыхов, садзов, горно-абхазских обществ и северокавказских абазин. Неоднократные попытки объединения антироссийских сил, не имели здесь решительного успеха, и каждый народ или общество в целом действовали автономно, хотя соблюдалась традиция приходить на помощь соседям.

Военно-политическое руководство России в рассматриваемый период было весьма озабочено положением на западном театре войны, который в отличие от Дагестана и Чечни, со всех сторон окруженных российскими кордонами, имел открытый приморский фланг, откуда могло проникать, и проникало влияние соперничавших с Россией держав. Об этом писал еще швейцарский ученый и путешественник Фредерик Дюбуа де Монперэ, посетивший Восточное Причерноморье в 1833 году, «...война России с Черкесией привлекла к себе взоры всех европейских стран, которые ревниво относились к усилению могущества России и успехам ее оружия на Востоке и Турции».

На прибрежной полосе между Анапой и Сухум-Кале длиной более 400 километров, вплоть до 1830 года русские не имели ни одной опорной точки. Турецкие купцы на легких парусниках свободно достигали кавказских берегов и доставляли горцам нужные им товары, в том числе оружие, порох, свинец, железо, которые меняли на предметы местного производства и невольников. Сходное положение было и южнее Сухумской крепости, где русский офицер, барон Аш, видел во всех устьях рек, где ему пришлось побывать, небольшие турецкие суда.

Такая торговля приносила купцам хорошие барыши. По свидетельствам современников, турецкий купец после трех-четырех рейсов на Кавказ становился состоятельным человеком. Вместе с торговцами на Кавказ проникали турецкие агенты и эмиссары других держав, в первую очередь Англии, опасавшейся расширения России в южном направлении.

Русское правительство, ошибочно полагая, что горцы не смогут долго сопротивляться без помощи турок, доставляющих им необходимые припасы, поначалу главное внимание обращало на срыв береговой торговли. Уже в 1830 году кавказский берег был объявлен в блокадном положении и для наблюдения за ним учредили крейсерство боевых кораблей. Однако крупным килевым парусникам Черноморского флота, редко удавалось перехватывать небольшие кочермы¹⁹, легко ходившие у самого берега и при появлении крейсеров скрывавшиеся в устьях многочисленных рек, где преследование теряло смысл. В таких местах малым десантам грозило истребление, а большие десанты требовали огромных издержек и трудов, которых не стоило уничтожение контрабандного судна. Поэтому русское командование настоящей задачей считало быстрый захват приморской полосы и установление по ней сухопутного сообщения, чтобы отсечь от моря непокорных черкесов, как часто собирательно называли не только адыгов, но и другие горские народы Закубанья и Причерноморья.

Абхазская экспедиция 1830 года. Утверждение русского военного присутствия в Западной Абхазии. Для установление российского контроля над побережьем граф Паскевич разработал план экспедиции, утвержденный затем императором. По содержанию задач экспедиция делилась на два «периода» (этапа): 1) установление контроля над побережьем Абхазии и

19. Кочерма – мелкосидящее парусно-весельное судно, приспособленное для прибрежного плавания.

2) занятие берега от Пицунды до Анапы для обеспечения прямого сухопутного сообщения между крепостями Поти и Анапа. Таким образом, войсками должна была быть занята не только приморская полоса Северо-Западного Кавказа от Гагры до Анапы, приобретенная Россией по Адрианопольскому миру, но и большая часть абхазского побережья, которое не контролировалось Россией, хотя Абхазское княжество уже 20 лет официально считалось пребывающим в составе Российской империи. Кавказское начальство неоднократно обращало внимание на эту ситуацию в рапортах и реляциях, направляемых в Петербург. Поэтому, отмечал Паскевич, «экспедиция эта должна покорить российскому скипетру страну дикую, столь же неприступную по своему гористому и густым лесом покрытому местоположению, столь по грубому невежеству обитателей ее абазингов и черкесов, племен буйных и своенравных». Так как исполнение второго этапа экспедиции целиком зависело от успеха первого этапа, то, по мнению главнокомандующего, особого внимания требовало к себе утверждение русской власти в прибрежной Абхазией. Вопрос покорения горных районов страны переносился на другое время.

Проведение новой абхазской экспедиции было возложено на генерал-майора К.Гессе, преемника Горчакова на посту управляющего Имеретии. Паскевич хотел привлечь абхазов к походу против непокорных горцев, чтобы содействовать русско-абхазскому сближению. К тому же знакомство абхазов с местностью облегчило бы достижение целей экспедиции, так как русские имели еще весьма слабое представление о топографии Северо-восточного Причерноморья. Но если абхазов не удалось бы склонить к совместному выступлению, тогда следовало, по крайней мере, обеспечить их лояльность. Поэтому главнокомандующий предписывает Гессе всячески избегать стычек с местным населением. В этом деле власти рассчитыва-

ли на ресурсы Хасанбея Чачба, возвращенного из ссылки, и других абхазских феодалов, считавшихся верными русскому правительству. Однако, исходя из недавнего опыта, возможность столкновения не исключалась и Паскевич кратко информирует Гессе: «Вооружение абхазцев состоит из ружья, шашки и кинжала; многие сверх того носят сзади, за поясом, пистолет. Они меткие стрелки, дерутся наиболее пешие в лесах и пересекаемых местах, и всячески избегают открытых и ровных мест».

Между тем обстановка в Абхазии оставалась сложной. Среди населения ходили упорные слухи, распространяемые турецкими агентами, что сообщение об уступке султаном русскому царю прав на территории от Анаклии до Анапы не соответствует действительности и скоро здесь высадутся османские войска. Иные же говорили, что назначены будут по одному чиновнику со стороны русского и турецкого правительств, которые приедут к абхазам и черкесам для выяснения у народа, кому они желают принадлежать. Сухумский комендант доносил в апреле 1830 года: «волнение между абазинцами еще продолжается, и они не прекращают своих неприятельских замыслов».

Особенно раздражала абхазов морская блокада, нарушавшая сложившиеся экономические связи с Турцией. Вызвано это было приказом Николая I поступать с захваченными в Абхазии турецкими представителями как с бунтовщиками, а флоту, осматривать все торговые суда и те, на которых обнаружатся военные припасы, брать в плен, как военную добычу.

В мае 1830 года Паскевич докладывает царю: «Абхазцы были спокойны, а теперь до трех тысяч находится их в сборе». Речь шла о сходе в селе Мерхеули в апреле 1830 года, где по разным данным от трех до пяти тысяч вооруженных абхазов готовились напасть на Сухумскую крепость. Но Таирбей Чачба, дядя владетеля, настаивал отложить нападение

до возвращения Хасанбея, находившегося в Тифлисе. Многие послушались его и разъехались. Лишь цебельдинцы, поклявшиеся не покоряться русским, стали грабить деревни, воздержавшиеся от участия в сходе, а 21 апреля атаковали сухумский форштадт. Но момент был уже упущен. Власти успели принять меры и усилили сухумский гарнизон. Поэтому до всеобщего восстания дело не дошло, и Асланбей, прибывший в Абхазию, вскоре навсегда покинул родной край.

Не было согласия и среди господствующего класса. Гвардейского генерального штаба поручик барон Аш, который в сопровождении Хасанбея Чачба был секретно командирован в Абхазию для сбора информации, 5 мая 1830 года докладывает управляющему штабом Отдельного Кавказского корпуса полковнику Гасфорту: «В Абхазии вообще происходят теперь большие междоусобия: народ разделен на две партии. Бзыбское общество с владельцем отделилось от прочих, а противная оной, состоящая из Абживского общества, к которой присоединились цебельдинцы, находятся под началом Али-бея... Между князьями в Абхазии нет никакого единства – все они тайным образом враждуют друг против друга. Владелец и князь Гассан-бей (Хасанбей. – Г.А.) живут также между собой в несогласии и, увлекаясь пустым самолюбием, первый, как владелец, не хочет слушать советов Гассан-бея, а последний, как дядя его, и будучи важнейший из князей в Абхазии по происхождению своему, считает унижительным повиноваться младшему, имеющему менее его влияния на народ, и раздоры сии есть главнейшие причины всех беспокойств в Абхазии».

Население Абхазии, осведомленное о предстоящем вводе войск, но не знавшее с какой целью это делается, было обеспокоенно. Деревни на пути Аша и Хасанбея были пусты, а жители их укрывались в лесах. Алибей Чачба и цебельдинские князья, встретившись с русским офицером, попросили его довести до

сведения начальства, что если войско придет в Абхазию, они встретят его с миром, при условии, что их собственность не пострадает и каждому оставят те земли и селения, коими владели отцы, без всякого различия старшинства между ними.

При царившем тогда в Абхазии разладе, никто из князей не мог поручиться за спокойствие во всей стране при вступлении русских войск. Абжуйский владелец Алибей и гумский владелец Хасанбей заявили, что они ручаются только за спокойствие в подвластных им обществах. Владетельный князь Михаил не мог гарантировать даже лояльность своего Бзыбское общества. Кавказскому начальству было известно, что «слабое влияние его не в состоянии обуздать буйный и своевольный народ», и даже в собственном своем уделе владетель «пользуется едва наружным уважением».

Впрочем, русские и без Михаила нашли сильных союзников в Бзыпской Абхазии. Барон Аш сообщает о своей встрече с Кац Мааном (или «Маргани», как он передает его фамилию), который в 1824 году участвовал в восстании Асланбея и был одним из руководителей осады Лыхненского дворца, но теперь он заявил Ашу о своей преданности русским и готовности служить государю императору. Барон Аш, будучи наслышан о личном влиянии и авторитете этого человека, с должным вниманием отнесся к его словам и написал полковнику Гасфорту, что «не лишне было бы приласкать его заблаговременно». (Тут уместно привести и слова генерала Филиппсона²⁰, сказанные о Кац Маане (Маргания) в другое время и

20. Филиппсон Г. И. (1809–1883) – русский офицер, генерал-лейтенант (1857), сенатор (1861), генерал от инфантерии (1880). С 1835 г. служил в войсках отдельного Кавказского корпуса. В 1855 г. назначен наказным атаманом Черноморского казачьего войска, с 1858 г. командующий войсками правого фланга, а в 1860 г. – начальник штаба Кавказской армии. В последние годы жизни Г. И. Филиппсон писал автобиографическую книгу «Воспоминания», рассказывающую о событиях Кавказской войны, который успел довести только до 1847 г. В книге много сведений о народах Западного Кавказа.

по другому поводу: «по уму, отчаянной храбрости и твердому характеру, [он] имел огромное значение не только в Абхазии, но и у соседних, немирных горских племен».)

Для полноты картины Абхазии начала 1830-х годов, добавим, что беспокойно было и в Самурзаканском округе, которую, как уже отмечалось, хотел подчинить себе мегрельский владетель Леван Дадиани. Но столкнувшись с вооруженной оппозицией самурзаканских князей и дворян, он не смог преодолеть их сопротивление и обратился за помощью к русскому начальству «для усмирения той страны и наказания самих возмутителей». В июне 1831 года в округ был введен отряд регулярных войск во главе с подполковником Гедримовичем. Однако, предвидя осложнения после ухода русских, Леван V попросил барона Розена, преемника Паскевича на Кавказе, оставить войска в «Самурзаканской стране» на постоянной основе. Видимо, создание опорного пункта на юго-восточной окраине Абхазии совпадало с планами главнокомандующего, поэтому просьба была удовлетворена; войска остались, а для их размещения в 1832 году было выстроено небольшое укрепление в местности *Атангело*.

К концу июня 1830 года в Редут-Кале было завершено сосредоточение войск и кораблей, выделенных для абхазской экспедиции. Отряд, вверенный генералу-майору Гессе, начинал около 2400 штыков и сабель при 6 орудий и 2-х мортирок. Основу этих сил составляли батальоны 44-го егерского полка, штаб-квартиру которого намечалось перенести из Мегрелии в Западную Абхазию, поближе к резиденции абхазского владетеля, чтобы поддержать его власть над народом. Людей и тяжелое снаряжение, включая артиллерийские орудия, решено было перевезти морем в Сухум-Кале, а состоящие при отряде лошади (676 голов) под прикрытием одной сотни донских казаков и тех абхазских князей, верность которых к русскому правительству считалась испытанной време-

нем, перегнали сухим путем. Князя должны были встречать и провожать казаков и коней, каждый через свое владение.

Русская эскадра, вышедшая из Редут-Кале 1 июля, через два дня вошла в Сухумскую бухту. Войска выгрузились на берег и встали лагерем между крепостью и рекой *Басла*. Здесь Гессе получил известие, что прибытие экспедиционного отряда усилило волнения среди абхазского населения. Бзыпские феодалы послали гонцов к садзам и убыхам с призывом о помощи против русских.

В такой ситуации генерал Гессе посчитал невозможным сразу приступить к водворению 44-го егерского полка в Лыхны, и решил сначала занять узкий гагрский проход, названный Паскевичем «Кавказскими Фермопилами», чтобы перекрыть горцам удобный путь для проникновения в Абхазию. Для этого морем было отправлено к Гаграм 800 солдат с двумя орудиями, которые утром 8-го июля высадились в приморском дефиле близ развалин древнего «монастыря», окруженного каменной стеной, и заняли его, пока Гессе с остальной частью отряда двигался по суше в сторону Бзыпской Абхазии. Подступившие к Гаграм садзы атаковали позиции русского батальона, но картечный огонь военных кораблей заставил их ретироваться.

Бзыпское приморье до Пицунды войска заняли без выстрела, хотя часть местных феодалов во главе с кланом Инал-ипа, не хотела пропускать русских через свои земли. Однако отсутствие единства в этом вопросе среди абхазской знати и невозможность получить помощь от убыхов и садзов, скованных Гагрой, делали сопротивление малоперспективным. Впрочем, и Гессе не был заинтересован в эскалации конфликта, который мог перерасти в крупное восстание. Поэтому при содействии Михаила и Хасанбея Чачба он завязал переговоры с вождями оппозиции. И дело разрешилось миром, после того как генерал пообещал амнистию за прошлые деяния и гарантировал,

что «имения их, по занятии Абхазии нашими войсками, останутся по прежнему их собственностью».

Этим актом завершилась абхазская экспедиция 1830 года. Для такой амбициозной задачи, как оккупация в течение одной летней кампании всего черноморского побережья до Анапы, возможности группировки, выделенной генералу Гессе, были явно недостаточны. Это стало ясно уже в ходе первого этапа экспедиции. В рапорте Гессе фельдмаршалу Паскевичу от 12 июля 1830 года говорится о сложности наступления севернее Гагры. Кроме того, следовало учитывать, что «спокойствие абхазского народа при вступлении ныне войск наших, зависит собственно только от того, что прибытие отряда они ожидали гораздо в больших силах, то есть на второй период экспедиции сей отряд уменьшится, что не укроется от прозорливости здешних жителей, тогда весьма легко может последовать возмущение, к чему... абхазцы склонны, не скрывая сего и теперь; сверх того как пространство от Редут-кале до Сухума остается по-прежнему незанятым, то и цебельдинцы не останутся без действия при уменьшении отряда».

Тем не менее бескровная экспедиция 1830 года значительно упрочила русское влияние в Княжестве. Правительственные войска закрепились в стратегически важном Гагрском проходе, несмотря на постоянное давление со стороны горцев. Построенный здесь форт мыслился как преграда, способная отделить Абхазию от независимых народов. Комментируя значение этого пункта в письме к графу Чернышеву, фельдмаршал Паскевич отмечает: «Занятием узкого прохода у Гагры, единственного верхового проезда из Абхазии к черкесам, мы отнимаем у черкесов все средства подавать беспокойным бзыбцам помощь, по крайней мере значительными силами».

В результате экспедиции Гессе в Западной Абхазии появились также укрепления *Бамбора* и *Пицунда*. Первое из них

возникло на равнине между морем и Лыхненской резиденцией владетеля, там, где в 1824 году произошел бой между русским десантом и абхазскими повстанцами, второе – у полузаброшенного Пицундского храма X века; строители укрепления использовали в качестве крепостной стены церковную каменную ограду, усилив ее по углам деревянными башнями. В Бамборе находился штаб 44-го егерского полка и все главные заведения и склады для войск, занимавших Абхазию. Здесь же жил командир части, полковник А.Г. Пацовский (впоследствии – генерал-майор), человек умный и опытный, по оценкам людей, знавших его. «Абхазцев он умел привлечь к себе и овладеть их доверием, – пишет барон Торнау, – принаравливаясь к их понятиям и не нарушая ни в коем случае данного слова... Они верили ему безотчетно и приезжали к нему издалека за советом и помощью. В подобных случаях он помогал им часто своими собственными деньгами, не заботясь будут ли они ему возвращены правительством. Пильная мельница на *Мцыше* служила одним из главных способов сближения абхазцев со своими русскими соседями. До Пацовского абхазцы не выдвигали пильной мельницы и делали доски с руки пилой и топором или получали их морем от турок. Мало-помалу они стали приезжать на Мцышу выменивать и выпрашивать доски у Пацовского, которые он им давал под разными условиями, имевшими в предмете выгоды полкового устройства. Сношения завязались, и скоро возникла из них некоторая зависимость абхазцев от русского изделия».

Для сообщения трех русских укреплений, расположенных в Западной Абхазии – Бамборы, Пицунды и Гагры – с Сухумской крепостью были учреждены промежуточные посты, в которых располагались небольшие конные и пешие команды, в помощь которым абхазский владетель, окончательно перебравшийся в Лыхны, выделил конные группы. Сообще-

ние между постами происходило под воинским прикрытием. Кроме того, при укреплениях постоянно находилось по одному военному судну (брандвахты).

Однако сопротивление иноземному владычеству в Абхазии продолжалось, приняв более скрытые формы. В окрестностях Сухумской крепости часто находили трупы солдат и матросов, убитых неведомо кем. Подобные акции нельзя объяснить этнической ненавистью; они были направлены не столько против русских, как таковых, а против военной администрации в Сухум-Кале. Например, в Бзыбской Абхазии, где располагались подразделения 44-й егерского полка, такие случаи не зафиксированы, так как полковник Пацовский, как уже отмечалось, наладил хорошие отношения с местным населением. По словам Торнау: «Значение, которое Пацовский умел приобрести в глазах абхазцев, отзывалось на всех русских. В Бзыбском округе... не было слышно о нападениях на наших солдат, ходивших поодиночке в самые дальние селения. Абхазцы встречались с ними как с добрыми знакомыми, детьми Пацовского, которого они любили».

Таким образом, Абхазская экспедиция 1830 года ознаменовалась утверждением русской военной власти на побережье Бзыбской Абхазии, где до этого русские войска появлялись лишь спорадически, в ходе боевых действий. Кроме того, уже сам замысел подобной экспедиции, отчетливо показал связь между Абхазией и западным театром русско-горской войны. Отныне вплоть до 1864 года практически все военные эпизоды в абхазской истории в той или иной мере были связаны с событиями на Северо-Западном Кавказе (в Северо-Восточном Причерноморье и Закубанье).

Война в Северо-Восточном Причерноморье. Спустя год после абхазской экспедиции, русское командование приступило к захвату береговой полосы уже с северной стороны. В

конце июля 1831 года 5-тысячный десант под командованием генерала Берхмана, высадился в Геленджикской бухте и закрепился там. На захваченном берегу возвели укрепление, несмотря на частые нападения горцев. «До занятия Гагр и Геленджика, – пишет Ф.Ф.Торнау, – мы не имели точного понятия об ожидавшем нас сопротивлении, о дурном климате и о других затруднениях, с которым приходилось бороться нашим войскам на черкесском берегу. Опыт, которым мы обогатились в этих случаях, заставил приостановить дальнейшие действия на берегу Черного моря до того времени, когда окажется возможность подготовить все средства, необходимые к отстранению замеченных неудобств».

Была и другая причина, из-за которой верховное главнокомандование приостановило наступательные действия на западном театре Кавказской войны. На другом конце кавказских гор, в Дагестане, около 1829 года был провозглашен имамом Гази-Магомед, ученый-богослов и воин. После нескольких столкновений с русскими войсками в нагорной полосе, в 1831 году он со значительными силами устремился на низменность, нанес поражение русским у селения Акташ и осадил город Дербент, где встретил стойкое сопротивление гарнизона, поддержанного местными жителями, – армянами и азербайджанцами. Поэтому после 8-дневной безрезультатной осады, имам стремительным маршем двинулся на север и 1 ноября взял и разорил один из важнейших российских центров Северного Кавказа – город Кизляр. Теперь уже основное внимание верховного главнокомандования обратилось к Восточному театру войны. В Дагестане были стянуты ударные части Отдельного Кавказского корпуса, усиленные войсками, переброшенными из Польши. Под напором превосходящих сил, «мюриды» отошли в горы. В октябре 1832 года командующий войсками Кавказской линии, генерал-лейтенант Ве-

льяминов с 8-тысячным отрядом окружил и взял штурмом аул *Гимры*, где находился Гази-Магомед с группой сподвижников. Имам пал в бою с оружием в руках. Среди немногих, вырвавшихся из окружения, был раненный Шамиль.

Громкая победа над мюридами, как казалось тогда высшей российской власти, навсегда закрыла эту тему, поэтому в центре внимания опять оказался Северо-Западный Кавказ. «В продолжении шести лет, – пишет Р.А. Фадеев, – с 1832 по 1839 год, главные силы Кавказского корпуса, до тех пор действовавшие на восточном Кавказе, были исключительно обращены против западных гор, со стороны Кубани и Черного моря».

В 1834 году вышел приказ о возобновлении действий с целью установления контроля над прибрежной линией. Были развернуты два отряда войск для действий с противоположных направлений. Военно-морскую поддержку обеспечивали корабли Черноморского флота. В 1834–1837 годах с большим трудом была проведена военная дорога, связавшая Геленджик с территорией *Черноморского казачьего войска*²¹. Два промежуточных форта, сооруженных для защиты этой дороги, составили основу *Геленджикской кордонной линии*, которая помимо обеспечения сухопутной связи с приморьем, была призвана также отделить земли натухайцев от шапсугов и других адыгских народов. Однако продвижение царских войск в черкесские пределы, вызвало неожиданную для русского командования консолидацию разрозненных горцев. «До занятия русскими войсками северо-восточного берега Черного моря, – говорится в официальном источнике, – некоторые общества, казалось, близки были

21. Черноморское казачье войско – образовано в 1787 г. в Северном Причерноморье из части бывших запорожских казаков. Русское правительство переселило черноморцев на правобережье Кубани в 1792–1793 гг. с целью закрепления новоприобретенных территории. Административным центром «Черномории» стала крепость Екатеринодар (ныне – город Краснодар). В 1860 г. Черноморское войско вошло в состав Кубанского казачьего войска.

к совершенному распаденению от внутренних раздоров и кровопролитий²², но пришествие наше погасило в них вражду, и вдруг, по решимости необъяснимой в неблагоустроенном народе, все племена черкесские и убыхи, заселяющие прибрежный край, поклялись прекратить междоусобия, единодушно соединить силы для сопротивления нашему оружию». Поэтому несмотря на прилагаемые российским командованием усилия и рост общей численности правительственных войск на Кавказе (в 1829 году около 133 тыс. человек, в 1830-м – до 142 тыс., в 1837-м – 154 тыс.), попытки сломить сопротивление черкесов оказались неудачными. Военный министр Чернышев в 1840 году был вынужден констатировать: «Многолетние действия силой оружия против непокорных черкесских племен... при всех возможных успехах в частности, ни малейшего не имели влияния на общее успокоение края».

Горцы надеялись упорным сопротивлением вынудить русских отказаться от завоевания их земель. Весной 1837 года Г.И.Филипсон, находившийся при генерале Вельяминове во

22. По-видимому, тут речь идет о социально-политической борьбе в Западной Черкесии во второй половине XVIII – первой половине XIX в., когда лично свободные крестьяне, *тфокотли*, составлявшие численное большинство адыгского этноса, выступали против феодалов, стремившихся закрепить их. Знаменательным моментом этой борьбы является Бзиюкская битва (1796 г.) между народным ополчением шапсугов и дворянской конницей во главе с бжедужскими князьями. Исход сражения в пользу дворян решил отряд черноморских казаков с пушками, прибывший по велению Екатерины II. Однако народ отстаивал свободу; у шапсугов, абадзехов и натухайцев дворяне утратили большинство привилегий, почти сравнявшись в правах с тфокотлями, управление перешло к всенародно выбираемым старшинам. Поэтому в исторической литературе эти адыгские народности именуются «демократическими племенами» в отличие от «аристократических» (кабардинцы, бжедужи, темиргоевцы, бесленевцы и др.), где власть по-прежнему принадлежала княжеским домам. Демократические общества давали приют всем беглецам из княжеских владений и поэтому их народонаселение быстро увеличивалось. К началу XIX в. шапсуги, абадзехи и натухайцы стали самыми многочисленными адыгскими субэтносами и сыграли активную роль в Кавказской войне.

время одной из закубанских экспедиций, стал свидетелем прихода посланцев от натухайцев и шапсугов с предложением о мире. Это были пять пожилых мужчин весьма почтенной наружности, хорошо вооруженные и без всякой свиты; как оказалось – представители старинных аристократических родов. Вельяминов принял их с некоторой торжественностью, окруженный офицерами своего штаба. «Эта сцена была для меня новостью. – вспоминает Филипсон, – Мне казалось, что тут решается судьба народа, который тысячи лет прожил в дикой и неограниченной свободе... Депутаты горцев начали с того, что отвергли право султана уступать их земли России, так как султан никогда их землю не владел; потом объявили, что весь народ единодушно положил драться с русскими на жизнь и на смерть, пока не выгонит русских из своей земли; хвалились своим могуществом, искусством в горной войне, меткой стрельбой и кончили предложением возвратиться без боя за Кубань и жить в добром соседстве... Старик Вельяминов на длинную речь депутатов отвечал коротко и просто, что идет туда, куда велел Государь, что, если они будут сопротивляться, то сами на себя должны пенять за бедствия войны, и что если наши солдаты стреляют вдесятеро хуже горцев, за то мы на каждый их выстрел будем отвечать сотней выстрелов. Тем конференция и кончилась».

Усиление русского военного присутствия в Восточной Абхазии. С активизацией боевых действий на Северо-Западном Кавказе совпадает дальнейшее наращивание русского военного присутствия в Абхазии, что не было случайным явлением. Развивая военную инфраструктуру, русские власти в 1834 году соорудили стратегическую дорогу в приморской низменности от укрепления Атангело до Бамборы, получившую название *Военно-Абхазская дорога*. Восточнее Атангело она соединялась с *Военно-Имеретинской дорогой*, связывающей Тифлис с черно-

морскими портами – Редут-Кале и Поти. Для защиты восточного участка Военно-Абхазской дороги (между Атангело и Сухумской крепостью) в 1834–1835 годах были основаны укрепления *Драндское* и *Илорское* и устроено несколько казачьих постов. Однако несмотря на появление военно-опорных пунктов, разрозненное сопротивление новому порядку не прекратилось. В Восточной Абхазии расширяется абреческое движение, принявшее форму партизанской войны. «В народе заметна была сильная неприязнь к русским войскам, – читаем в истории Михайловского крепостного батальона. – Ходили довольно упорные слухи, что мятежное население готовится напасть на наши разъединенные укрепления, причем самурзаканцы атакуют укрепление Илори, а цебельдинцы – Дранды. Мелкие дерзкие нападения абхазцев на команды нашего батальона стали учащаться». Властям сложно было бороться с такими актами. «В Абхазии, как и во многих других местах Кавказа, – отмечает Торнау, – видя перед собой горцев, редко можно было знать наверное, друзья ли они или неприятели». Поэтому в таких случаях, именуемых «шалостями», обычно не находили виновных и все сваливалось на выходцах из горных районов Абхазии, – Цебельды, Псху, Ахчипсы, – пользовавшихся особенно дурной славой у российской военной администрации.

В разгар борьбы за черкесское побережье, в конце 1836 года, после бесплодных переговоров с цебельдинскими князьями о добровольном подчинении и локальных акций устрашения, русское командование решило силой оружия покорить эту область, нависающую над стратегической дорогой к театру военных действий. По словам барона Торнау, «Малочисленная Цебельда, состоявшая, по нашим тогдашним сведениям, не более как из восьмисот или тысячи семейств, служила неприятной помехой для наших дел в Абхазии. Для усмирения ее силой, надо было пожертвовать временем и

частью войск, которые, казалось, полезнее было употребить на работы, имевшие предметом скорейшее устройство Береговой линии, обещавшей, как тогда полагали, отнять у горцев все способы сопротивления».

В начале мая 1837 года правительственные войска численностью до 8 тысяч человек с артиллерией, под личным начальством генерал-адъютанта барона Розена, вступили в Цебельду. Обладавший превосходством в силах и средствах, Розен не выпустил инициативу из рук. По воспоминаниям участника экспедиции, декабриста В.С.Норова, русские войска в течение месяца «...лазили по горам, по долинам Кодора и били цебельдинцев. <...> Это была настоящая охота на людей. Мы потеряли там мало людей, ибо цебельдинцы были плохо вооружены, но мы были обессилены от усталости, взбираясь по скалам и проходя через густые чащи». Наконец, старшие цебельдинские князья изъявили покорность, присягнули на верноподданство и предоставили *аманатов* (заложников) из почетных семейств. В Цебельде назначен был военным *приставом* прапорщик Лисовский, обязанный наблюдать и контролировать обстановку.

Приставская система управления на Кавказе, введенная на рубеже XVIII–XIX веков, до 1857 года являлась основной административной структурой в районах боевых действий с горцами. Для управления покоренными аулами создавались особые административные единицы, приставства, которыми управляли военные приставы – русские армейские офицеры или горцы, зарекомендовавшие себя своей преданностью царизму. Последних посылали к «племенам, более прочих известных своеволием и дикостью нравов». Приставы осуществляли общий контроль за ситуацией, а в случае необходимости возглавляли местное ополчение (милицию). За местным населением сохранялось право жить по своим законам и обычаям.

Розену не удалось проникнуть глубже в абхазские горы. Вернувшись в Сухум-Кале, он послал половину отряда на кораблях в Джигетию, на мыс Адлер, где был высажен десант, а остальных отправил сухим путем в Бамборское укрепление. А в прибрежье и предгорьях Восточной Абхазии в конце 30-х – начале 40-х годов появились новые русские укрепления и казачьи посты.

Положение в Самурзаканской Абхазии. Продолжался кризис и в Самурзаканском округе, права на который Российское правительство в 1832 году передало Левану Дадиани в награду за верность престолу. Для ознакомления абхазов с этим решением и поддержки престижа Михаила Шервашидзе, как верховного владельца остальной части страны, в Абхазию были командированы грузинские князья – генерал-лейтенант Багратион и генерал-майор Дадиани (Большой Нико), которые по расчетам Розена, «по знанию обычаев здешних и языка» легче могли войти «в ближайшее сношение» с абхазскими князьями. В предписании, данном генералу Багратиону, по-военному четко отмечается: «Если бы некоторые князья изъявили желание об обратном присоединении к Абхазии Самурзаканского владения, то решительно объявите, что сие невозможно, ибо оно упрочено навсегда владельцу Мингрелии за постоянную верность и преданность российскому правительству, между тем, как в Абхазии неоднократно возникали беспокойства».

Решая самурзаканский вопрос, кавказское начальство заботилось не только о вознаграждении мегрельского владельца, но и о расширении русского влияния в Абхазии, до фактического подчинения которой, несмотря на усиление русского военного присутствия, было еще далеко. В марте 1833 года барон Розен пишет управляющему Имеретии, генерал-майору Вакульскому: «Самурзаканский округ принадлежит к Мингрелии; Самурзаканские князья и дворяне, по примеру соседей своих абхазцев, цебельдинцев и проч[их] необуздан-

ных разбойников, избегают повинностей владельцу своему, а следовательно не повинуются и правительству ... а как владелец Мингрелии требует от них повиновения, некоторого гражданского устройства и унимает хищников, то мы всеми мерами должны ему содействовать, дабы укротив дикость самурзаканцев, могли постепенно заняться и Абхазией (разрядка наша. – Г.А.)»

Однако «необузданные самурзаканцы», как называл их Розен, продолжали игнорировать государственную волю. По словам современника, протестуя против передачи их края мегрельскому мтавару, они заявляли: «Мы абхазы, а не мингрельцы, зачем ставить над нами власть, которой не знали и не хотим знать». Их бурный протест выражалась в разбойных нападениях на Мегрелию, в которых участвовали и представители внутренних районов Абхазии.

Михаил Шервашидзе, считавший Самурзаканский округ нераздельной частью Абхазии, внимательно следил за происходящими событиями. Весной 1834 года он перешел реку *Галидзгу*, чтобы заставить жителей самурзаканского приграничья присягнуть ему на верность, но барон Розен резко отреагировал на такое самоуправство. «Таковое действие в[вашей] св[етлости] служит к умножению происходящих в Абхазии беспорядков», – написал он Михаилу и потребовал незамедлительно отступить за Галидзгу.

Несмотря на резкую реакцию высшего кавказского начальства, Михаил не собирался отказываться от спорных земель. 3 сентября 1836 года барон Розен сообщает в Петербург: «Беспорядки стали приметно умножаться в Абхазии и между жителями Самурзаканского округа, принадлежащего владельцу Мегрелии, которых тайно поощряли к тому злонамеренные абхазцы». Распространившийся в сентябре 1836 года слух о том, что Михаил Шервашидзе готовит вторжение в спорные земли вместе с враждебными России джигетами

и цебельдинцами, вызвал серьезную тревогу у кавказской администрации. Егерский батальон, расположенный в Илорском укреплении, был усилен двумя пехотными ротами; еще три роты оставили в резерве на случай осложнения обстановки. Леван Дадиани со своей стороны выдвинул 500 милиционеров во главе со своим сыном Давидом.

Постоянные распри вокруг Самурзаканского владения дали повод генералу Головину (в 1837–1842 годах командир Кавказского корпуса и главноуправляющий гражданской частью на Кавказе) в 1840 году отобрать округ у владельца Мегрелии и ввести там приставское управление. Левану Дадиани в виде компенсации выдали единовременное вознаграждение в 25 тысяч рублей и оставили ему несколько самурзаканских селений, к большому неудовольствию Михаила Шервашидзе.

Как отдельная административно-территориальная единица в системе российских владений на Кавказе, Самурзаканский округ обзавелся милицией (600–800 чел.), созданной на базе феодального ополчения. Это – немалое число, если учесть, что в округе в 1840 году проживало менее 10 тысяч человек обоего пола. Милицией обычно командовал пристав – русский офицер, помощником (заместителем) которого состоял один из самурзаканских князей. Пять сотенных командиров, десять их помощников и двадцать урядников также назначались из числа местных князей и дворян. Рядовые милиционеры рекрутировались как из представителей знати, так и непривилегированного сословия.

Таким образом, Самурзаканский округ превратился в самоуправляемый анклав под российским контролем между автономными княжествами Мегрелией и Абхазией. Самурзаканская знать вначале положительно восприняла эту перемену. Ее милиция отличилась при «усмирении» Дала в 1840-1841 годах, понеся при этом серьезные потери «будучи всегда впереди и встречая везде первые огонь неприятель-

ский». Но вскоре наступает охлаждение отношений. Источники второй половины 40-х годов сообщают о «смутах и беспорядках» в Самурзаканском приставстве. Несмотря на энергичные меры, принимаемые властями против возмутителей спокойствия, мало кого из них удавалось привлечь к ответственности, так как они «свободно уходили вглубь Абхазии, не входившей тогда в состав русского управления».

Михаил (Хамытбей) Чачба-Шервашидзе. Усиление русских позиций в Абхазии укрепило и положение владельца Михаила, который с 1830 года уже прочно обосновался в стране. С другой стороны, его возросший авторитет, качества правителя и личные связи с горской аристократией, во многом помогали русским в таком сложном для них регионе, как Северо-Западный Кавказ – западный театр русско-горской войны.

Михаил был для своего времени образованным человеком, которому, по отзывам современников, не были чужды высокие идеалы. Кроме родного абхазского языка он владел также грузинским, убыхским, черкесским, русским, турецким языками. Еще в 1867 году в полузаброшенном очамчирском дворце владельца можно было видеть остатки его библиотеки с книгами и журналами на русском, французском и итальянском языках. Из массы литературы особенно выделялись работы по военной тематике – жизнеописания Наполеона и Суворова, история походов 1812 года, книга о полевом строе и др. «Все они были тщательно переплетены, полны и, нет сомнения, что, по крайней мере, в то время, когда еще князь почитывал книги, занимали его больше, чем все другие».

Последний владелец Абхазии обладал качествами, высоко ценившимися на Кавказе: не боялся опасностей, хорошо стрелял, был ловкий наездник, славился широким гостеприимством, прекрасно разбирался в тонкостях сложнейшего абхазо-адыгского этикета. Михаил, или Хамытбей, как он был из-

вестен среди горцев, являлся воспитанником известного убыхского предводителя Хаджи Исмаила Дагомукю из рода *Берзек*, которого современник назвал «Черкесским Вашингтоном», и пользовался особым расположением убухов – непримиримых противников России. Впоследствии, воюя с убухами как царский генерал, Михаил Чачба ухитрялся сохранять с ними дружеские связи, оказывая при необходимости посильную помощь. По сведениям русских документальных источников, «Князь Михаил... не только позволяет абхазцам снабжать продовольствием... убухов, но и допускает вымен на кукурузу невольников и даже учредил в пользу убухов особый налог (по 5 кошелок с дыму), который взывается с жителей с крайней строгостью».

Абхазский владетель был весьма близок и с высшей грузинской знатью. Его мать – княгиня Тамара – была сестрой мегрельского владетеля Григола и теткой Левана V, а жена – княгиня Александра (Цуцу) – внучкой Николая Дадиани (Большого Нико). Сохранились письма Михаила на грузинском языке, адресованные княгине Александре и чинам кавказской администрации в Тифлисе и Кутаиси.

Михаил Шервашидзе (как его отец и старший брат Дмитрий) владетельные права получил от русских, и как ставленник России, имевший высокое звание генерал-адъютанта и чин генерал-лейтенанта, всегда признавал верховную власть императора. Однако он это делал без особого энтузиазма и подобострастия по отношению к представителям царской администрации. Кавказское начальство видело это, но до определенной поры не трогало Михаила, опасаясь последствий. Ведь, как писал один из русских офицеров: «кн[язь] Михаил Шарвашидзе пользовался громкою репутациею, как единственный человек, в котором соединены все условия для противодействия враждебным замыслам черкесских племен и для сохранения порядка в Абхазии».

Вместе с тем по сообщениям источников, Михаил отличался честолюбивым нравом и «не был разборчив на средства к достижению своих, не всегда благовидных, целей». Внутри Абхазии он укреплял свою власть крутыми мерами, беспощадно расправляясь с недругами. «Пускались в ход кинжал и яд, и жертва, один раз обреченная, никуда не могла укрыться от преследования», – пишет русский чиновник К.Бороздин. Против сильных вассалов, способных на вооруженный отпор, Михаил использовал даже отряды враждебных России убухов, сам оставаясь в тени, «...и этой системой дошел до того, что в настоящее время нет князя, который был бы в состоянии поднять голос против деспотизма владетеля».

Создание Черноморской береговой линии и события в Джигетии. Русская армия и флот продолжали операции с целью захвата приморской полосы Северо-Западного Кавказа, но продвижение севернее Гагры шло с большим трудом. В 1837 году, после посещения Кавказа императором Николаем I, проплывшем на пароходе вдоль восточных берегов Черного моря от Геленджика до Поти, военные усилия были сконцентрированы и значительно возросли. В 1837–1839 годах ценой больших жертв удалось захватить несколько клочков суши между Геленджиком и Гагррой, и построить там укрепления (в том числе на джигетском берегу форты *Святого Духа*²³ и *Александрия*²⁴), которые в 1839 году вместе с ранее основанными укреплениями на территории Абхазского княжества были сведены в *Черноморскую береговую линию* (не путать с Черноморской кордонной линией). Береговая линия представляла собой цепь русских форпостов

23. Укрепление Святого Духа было основано в 1837 г. на месте современного Адлера.

24. Форт Александрия, основанный на месте современного города Сочи в 1838 г., вскоре был переименован в *Навагинское* укрепление. В 1864 г. поселение, возникшее у развалин бывшего укрепления, получило название – пост (затем – посад) *Даховский*, и только в 1896 г. официально было признано народное название *Сочи*, по имени абхазо-убуихского общества *Сача*.

на кавказском берегу, построенных с целью закрыть горцам выходы к морю и нарушить их связи с Турцией. Одновременно Абхазия была выведена из-под контроля управляющего Имеретии и подчинена влиянию начальника Черноморской береговой линии со штаб-квартирой в Керчи, который, со своей стороны, подчинялся командиру Отдельного Кавказского корпуса.

Черноморская береговая линия включала три крепости: Анапу, Новороссийск и Сухум-Кале, а также более двух десятков сравнительно небольших фортов и укреплений. В военно-административном отношении линия разделялась на отделения. В 40-х годах XIX века укрепленные пункты, расположенные от форта Навагинского до Илорского поста, составляли третье отделение береговой линии. Помимо линейной пехоты²⁵ и артиллерии, рассредоточенных по укрепленным пунктам, а также известного количества подвижных войск, в распоряжении начальника береговой линии находилась гребная флотилия *Азовского казачьего войска*²⁶. С моря линию поддерживала крейсерская эскадра Черноморского флота, базировавшаяся в Новороссийске и Сухум-Кале.

25. Начало т.н. линейным войскам на Кавказе было положено в 1829–1830 гг., когда гарнизонные полки и батальоны Отдельного Кавказского корпуса, расположенные на Кавказской линии и в некоторых других местах, были обращены в линейные батальоны. С образованием Черноморской береговой линии для укрепления пунктов восточного берега Черного моря сформировали специальные черноморские линейные батальоны, насчитывавшие по штату более 1000 солдат и офицеров. Основные пехотные части береговой линии (16 линейных батальонов в 1853 г.) были рассредоточены по укрепленным пунктам или составляли резерв (4 батальона). Кроме того, в каждом укреплении находилась артиллерийская рота. Конница береговой линии была представлена одним донским казачьим полком и Анапским горским полуэскадром из адыгов, служивших в русской армии. Имелись и вспомогательные подразделения.

26. Азовское казачье войско было образовано из потомков запорожцев, переселившихся в Турцию после ликвидации Запорожской Сечи (1775) и возвратившихся в русское подданство в 1828 г. Казаков поселили на северном побережье Азовского моря. Во время Кавказской войны в их обязанности входило наблюдение за восточным берегом Черного моря с помощью вооруженной флотилии из мелких судов. Азовское казачье войско было упразднено в 1865 г., а казаков с семьями переселили в Закубанье.

Возведение береговой линии не изменило кардинальным образом военную обстановку в Причерноморье, хотя совокупно с морской блокадой осложнило горцам использование приморских земель и в известной мере расстроило привычные торговые связи с Турцией. Однако, в целом, территория, контролируемая укреплениями, была ничтожна. По свидетельству официального источника, русское оружие не проникало в горы «далее пушечного выстрела от занятых укреплениями пунктов»²⁷.

Гарнизоны укреплений связь с внешним миром поддерживали только водным сообщением. Чуть ли не каждый выход за крепостные ворота сопровождался стычками и потерями. Горцы держали укрепления под постоянным наблюдением, часто подползали к стенам и в упор убивали часовых. Поэтому во многом справедливо замечание Торнау, что именно горцы держали гарнизоны в постоянной блокаде, а не наоборот.

Тяжелое положение защитников береговой линии иллюстрирует письмо известного русского писателя Александра Бестужева-Марлинского, переведенного на Кавказ простым солдатом за участие в деле декабристов и служившего в Ггрском гарнизоне: «Есть на берегу Черного моря, в Абхазии, впадина между огромных гор. Туда не залетает ветер; жар там от раскаленных скал нестерпим, и, к довершению удовольствий, ручей пересыхает и превращается в зловонную лужу. В этом ущелье построена крепостишка, в которую враги бьют со всех высот в окошки; где лихорадки свирепствуют до того, что полтора комплекта в год умирает из гарнизона, а остальные не иначе выходят оттуда, как с смертоносными обструкциями или водянкою».

27. На современных исторических картах все побережье Северо-Восточного Причерноморья вплоть до вершин Кавказского хребта, начиная с 1829 г. показывается как присоединенное к России, что неверно. Российская власть на большей части этой территории впервые была установлена только в 1864 г.

Наступление русских войск и строительство укреплений на Джигетском берегу подтолкнуло местное население к объединению сил для защиты от внешнего врага. В анонимном сочинении «О Гагре и джигетах», приписываемом Соломону Званба²⁸, читаем: «Между... обществами, живущими по долине Мдзымты, прежде часто была вражда; они часто нападали друг на друга и делали разбой. В 1837 году, когда заняли Адлер, убыхи и джигеты соединились взаимною присягою и с тех пор всякая вражда прекратилась. Присяга эта возобновляется ежегодно, и при этом берут штрафы с тех, которые имеют тайные сношения с русскими. Они часто ездят друг к другу, а иногда выходцы из одного общества селятся на земле другого. Все они имеют связи родственные и дружеские со своими западными соседями, черкесами. Связи жителей Ахчипсоу (Ахчипсы, ахчипсаа. – Г.А.) с убыхами теснее, нежели у других».

В феврале-марте 1840 года прибрежные племена, сплоченные в союз Хаджи Исмаилом Берзеком, обрушились на укрепления береговой линии, три из которых были взяты штурмом, а находившиеся в них войска – перебиты. Тогда же адыги разгромили Николаевское укрепление на реке Абин, один из ключевых пунктов Геленджикской кордонной линии, из-за чего пришлось забросить стратегическую дорогу к морю. Русские войска вернулись туда лишь спустя 21 год. Однако в Причерноморье командование береговой линии

28. Званба С.Т. (1809-1855) – первый абхазский ученый-этнограф, офицер русской армии, подполковник (1848). Выходец из небогатой дворянской семьи Соломон Званба получил военное образование в России. Затем служил в войсках береговой линии, участвовал в боевых действиях против горцев, вел с ними переговоры, строил дороги, был джигетским приставом. Параллельно с военной карьерой Соломон Званба интересовался науками, изучал историю, культуру и быт абхазского народа. Свои статьи с 1852 г. публиковал в газете «Кавказ». Некоторые из них вскоре после выхода в свет были переведены на немецкий язык. Соломон Званба погиб 25 октября 1855 г. в Ингурском сражении, в котором возглавляемый им 11-й черноморский батальон принял на себя главный удар турок.

вскоре восстановило утраченные позиции. Учили и прежние недочеты: форты укрепили дополнительными сооружениями и усилили их гарнизоны.

В боях на побережье участвовали и абхазы, особенно, садзы и медовейцы, независимые как от абхазского владельца, так и от Российской империи. В журнале военных действий русского отряда, находившегося летом 1837 года на Адлерском мысу, отмечается, что среди погибших горцев много было «...людей почетных, что также можно заключить по платьям и оружию убитых». Позже выяснилось, что были убиты Юсуф Аредба, двое Берзеков, Чуа и Анчабадзе (Ачба), «все из важных фамилий и имеющие влияние в народе». В то же время в составе русских войск активно выступали кавказские ополченцы. В процитированном документе также читаем: «в особенности отличилась абхазская милиция... храбрость и неустрашимость мингрельского ополчения, имеретинской и гурийской дружин также достойны похвалы». Как видим, абхазы сражались на обеих сторонах конфликта.

Нередко Михаил Шервашидзе лично возглавлял нападения на враждебные России общества. Как явствует из донесения генерал-адъютанта Головина военному министру Чернышеву от 12 апреля 1839 года, владелец на семи галерах, имея в подмогу две вооруженные лодки азовских казаков, ночью высадился в районе форта Александрия и сжег два аула, захватив пленных и добычу. В октябре 1840 года Михаил повторил морской набег на убыхов, выставив на этот раз 500 отборных милиционеров на десяти галерах.

Убыхские предводители со своей стороны, вторгались в Абхазию, чтобы оживить там антирусское движение, поддерживали связи с дальцами и цебельдинцами. 23 ноября 1840 года начальник Черноморской береговой линии генерал-лейтенант Н.Н.Раевский сообщает военному министру:

«Все заставляет думать, что Хаджи-Берзек преимущественно обратится на Абхазию, где он не найдет сопротивления, где ожидает его надежда взволновать край против нас, а во всяком случае добыча гораздо богаче, чем в укреплении, хотя мы можем надеяться на преданность владельца Абхазии, но есть часть народа, которая готова восстать против него и присоединиться к убыхам. Вторжение Хаджи-Берзека будет сигналом восстания Абхазии, Цебельды, Самурзакани, восстания которое остановится только на границах Мингрелии, Имеретии и подвергнет разорению ту и другую».

Восстание в Цебельде. В 1840 году восстали жители Цабала (Цебельды) и Дала, воодушевленные локальными успехами убыхов и черкесов. Выступление возглавил молодой князь Шабат Маршан, бывший офицер русской службы. Повстанцы атаковали *Мрамбское* укрепление, основанное в Цебельде незадолго до этого, и сожгли дом пристава Лисовского, а его – тяжело ранили. Нападениям подверглись также усадьбы феодалов, верных России.

Командование береговой линии послало на усмирение сводный батальон регулярных войск и казачью команду с тремя орудиями. Региональные силы состояли из отрядов абхазского владельца (2300 человек) и мегрело-имеретинской милиции (600 человек). Правительственные войска заняли Цабал и остановились на подступах к Далу.

В конце 1840 года снаряжается новая экспедиция во главе с начальником третьего отделения Черноморской береговой линии полковником Муравьевым (впоследствии Муравьев-Амурский, генерал-губернатор Восточной Сибири) в составе 6 рот регулярной пехоты при 2 орудиях и 1300 милиционеров (в том числе 600 самурзаканцев). *Багадские теснины* – ворота в Дал – были захвачены штурмом, причем дефиле первыми прошли самурзаканцы, смявшие заслоны повстанцев. Отряд

Муравьева проник вплоть до истоков Кодора, предавая огню поселения горцев. Полковник спешил покончить с дальцами, пока не подспели убыхи и ахчипсаа, обещавшие кодорцам прислать на помощь тысячу воинов. Придавая большое значение стратегическому расположению Дала, русское командование хотело очистить его от коренного населения и создать здесь две военные колонии из женатых солдат и казаков, но сделать это лихим налетом не удалось. Повстанцы с тыла обошли противника и заперли его в ущелье. У солдат Муравьева кончались продовольствие и боевые припасы, но отряд выручил один из местных князей, выведший его по тяжелой горной тропе. Впрочем, в январе 1841 года Муравьеву все-таки удалось выселить часть дальцев, семейства которых разместили возле укреплений Дранда и Мрамба. Непокорные дальцы (вместе с группой цабальцев) отступили на северные склоны Кавказа, в долину *Теберды*, где по словам вице-адмирала Себрякова (начальник Черноморской береговой линии с 1851 г.), у них было «свое всегдашнее убежище». Оттуда кодорские повстанцы, в числе которых была практически вся молодежь из знатных семейств Цебельды и Дала, тайно спускались к долинам, нападая на отдельные военные команды и маршевые колонны. Так, в 1841 году у горы *Апианча* была почти полностью уничтожена пехотная рота, направлявшаяся из Сухумской крепости в Мрамбу, а через год на этой же дороге разгромлен военный транспорт. В 1842 году Шабат Маршан был убит в бою. Его сменил младший брат Эшсоу, возглавивший партизанскую войну. В конце 1842 года командир Отдельного Кавказского корпуса генерал от инфантерии Головин предписал генерал-лейтенанту Гурко, командовавшему войсками, расположенными на Кавказской линии, разузнать о местонахождении дало-цабальских «абреков», скрывавшихся в Тебердинском ущелье, захватить их или, по крайней мере, «истребить

пристанище разбойников, нарушающих спокойствие в Цебельде». Однако чрезмерная бюрократизированность российского военного управления, требовала даже ограниченные операции согласовывать с генеральным штабом. Поэтому, учитывая расстояние между Тифлисом и Петербургом, переписка могла длиться месяцами. А вскоре и Головин был отозван с Кавказа и планируемое движение войск с правого фланга Кавказской линии к Теберде, по-видимому, так и не состоялось.

После серьезных неудач в Чечне и Дагестане в 1842-1843 годах, наступательные действия на Кавказе временно свертываются. В Цебельде центр тяжести был перенесен на политическое урегулирование кризиса («кроткие меры» как тогда говорили). В 1843 году один из руководителей повстанцев князь Ширинбей Маршан выразил желание примириться с русскими. Генерал Нейдгардт (командир Отдельного Кавказского корпуса в 1842-1844 годах) решил не только помиловать, но и наградить Ширинбея, как «подавшего пример... и способствовавшего к склонению своих преступных соумышленников». К концу 1845 году уже значительная часть кодорских повстанцев вошла в переговоры и, получив высочайшее прощение, вернулась к мирной жизни (многие князья при этом получили офицерские чины). Среди старшин, сделавшихся опорой царской власти, был Баталбей Маршан, старший брат Шабата и Эшсоу. В российских источниках он характеризуется как «предприимчивый враг» в 1840–1844 годах, ставший затем «преданным и верным слугою нашего правительства». Таким образом, военным властям на время удалось стабилизировать ситуацию в Цебельде, но Эшсоу не сложил оружия; отступив в непокорный Псху, он вместе с другими непримиримыми сопротивленцами еще долго вел вооруженную борьбу, действуя то в Кодорском ущелье, то в Джигетии, то на Северном Кавказе.

Джигетское приставство. Садзы, жившие на побережье, легкодоступное как с моря, так и по суше, периодически подвергались набегам русских войск. Военное давление на садзов, помимо всего прочего, объясняется стремлением российского командования нарушить их союз с убыхами. «Мы едва ли можем защищать Абхазию, пока убыхи в связи с джигетами. Из этого следует необходимость принудить сих последних к немедленной покорности, а потом соединенными силами джигетов и Абхазии, поддержанными нашими войсками, действовать решительно против убыхов», – писал генерал Раевский в 1840 году. Поэтому параллельно с боевыми действиями против садзов, велись сепаратные переговоры, в которых ключевую роль играли абхазские феодалы, особенно Михаил Шервашидзе и Кац Маан. После продолжительных консультаций, весной 1841 года часть джигетских владельцев подчинилась России, выдала аманатов и допустила к себе пристава. Церемонией принятия присяги на верность «белому царю», состоявшейся в укреплении Святого Духа, руководил Кац Маан. Присутствовавший при этом Г.И.Филипсон так описывает этот знаменательный момент: «Коренастый старик, с усами выкрашенными в розовую краску, с палкой в руке, распоряжался энергически, как староста на барщине. Если слова присягающего были удовлетворительны, он говорил “гай, гай!”, и тот, приложив руку ко рту и ко лбу, отходил в сторону; в противном же случае Кац поднимал свою палку, говорил несколько слов, и присяга возобновлялась. Так присягнули до 500 человек князей, дворян и простолюдинов». После присяги состоялась раздача подарков новым подданным империи (золото, серебро, шелковые ткани, сафьян, галантерейные вещицы).

По условиям присяги джигетские феодалы сохранили внутреннюю автономию. Их власть над общинами сохранялась в прежнем объеме, пришлось только отказаться от самостоя-

тельной внешней политики и примирится с существованием русских укреплений на садзской земле. Приставское управление, также как в Цебельдинском и Самурзаканском округах осуществлялось по «народным обычаям». Так возникло Джигетское приставство, включавшее приморские территории от Гагры до Хосты. Это были владения четырех феодальных домов: Аредба, Гечба, Цанба и садзской ветви рода Ачба (Анчабадзе), составлявших между собой подобие федеративного союза, отмечается в военно-статистическом обозрении восточного берега Черного моря. Джигетские общества, территориально расположенные ближе к убыхам, воздержались от присяги, но находясь на стыке сфер влияния противоборствующих сил, пытались блюсти принцип нейтралитета.

Территорию Джигетского приставства причислили к Абхазии и до 1847 года она считалась составной частью владетельного княжества, хотя фактически ситуацию тут определяло командование Черноморской береговой линии. Какое значение придавал Николай I «замирению» садзов, видно из того, что по его распоряжению князьям и дворянам, присягнувшим на верность России, были присвоены офицерские чины, а весной 1842 года депутацию джигетских феодалов в сопровождении пристава отправили в Петербург для представления императору. Награждены были и представители российской стороны, участвовавшие в переговорах с садзами: Михаил Шервашидзе был удостоен ордена св. Анны 1-ой степени, Кац Маан произведен в полковники, а начальник третьего отделения береговой линии Муравьев – в генерал-майоры.

Убыхская экспедиция. Подчинение садзов русской власти вызвало возмущение убухов, тем более что примеру садзских князей готовы были последовать некоторые другие прибрежные феодалы. В частности, влиятельные князья – сочинский владелец Аублаа-Ахмат и Зураб Хамыш тоже

присягнули русским, но непримиримые убыхи схватили их и освободили только после клятвенного обещания, отречься от русского подданства.

Тем не менее с исчезновением джигетского барьера, граница подконтрольных России земель вплотную подступила к коренной территории убухов, куда до этого времени не ступала нога русского солдата. Горцев беспокоило и перенесение русскими военной границы с Верхней Кубани на Лабу в 1841 году. Непокорные племена, жившие между этими реками, были вытеснены на запад или на юг, к горам. Эта мера, как отмечает А.Н.Дьячков-Тарасов, «пробудила идею солидарности всех черкесских племен». Убыхи, абадзехи, шапсуги и другие народы завязали переговоры на предмет образования военного союза. Летом 1841 года союзники, собравшиеся на реке *Пшехе*, принесли взаимную присягу и издали *дефтер* (акт), предписывавший строгое выполнение шариата, прекращение всяких сношений с русскими и взаимную защиту от них. Однако опустошительные набеги начальника правого фланга Кавказской линии генерала Засса на закубанские аулы и усиление гарнизонов береговой линии, угрожавших приморским шапсугам и натухайцам, не позволяли адыгам выделять крупные силы для участия в военных акциях на абхазском направлении. Кавказское сопротивление тут было представлено главным образом отрядами убухов и медовейцев. От покорившихся русской власти садзов они требовали отложиться, угрожая в противном случае, принудить их к тому силою оружия.

По-видимому, и садзы сомневались в правильности своего выбора. После нескольких энергичных нападений отрядов Хаджи Исмаила Берзека на русские укрепления летом 1841 года, «джигеты упали духом до того, что при малейшем неблагоприятном для нас обороте дел они готовы были соединиться с убухами», – рапортует военному министру новый начальник

Черноморской береговой линии генерал-майор Анреп, сторонник активных наступательных действий против убыхов. Согласно его суждению: «отложить экспедицию до будущего года – значило потерять невосвратно джигетов, отодвинуться опять за р. Бзыбь... и поднять все племена к восточному берегу Черного моря». Поэтому Анреп, по получении известия о подавлении Гурийского восстания²⁹, что, по его мнению, должно было отрезвляюще подействовать на горцев, следивших за событиями в Гурии, решил вторгнуться в сердцевину страны убыхов и нанести им решительное поражение.

К убыхской экспедиции стали готовиться с середины августа 1841 года. К укреплению Святого Духа подтянули 9 линейных батальонов при 18 горных орудиях, 2 пеших казачьих полка и команду саперов. Были вызваны милиции: абхазская, самурзаканская, имеретинская, мегрельская и гурийская³⁰. Впервые принял участие в экспедиции отряд (60 чел.) из небольшого Сванетского княжества, принявшего российское подданство в 1833 году. Михаил Шервашидзе, отмечается в официальном источнике, «с обыкновенной своей ревностью начал собирать милицию своего края: вместо назначенных 800 человек, поднял 1500». В общей сложности экспедиционные силы насчитывали более 10 тысяч человек, в том числе в милиционных формированиях было 1852 пеших и 1017 всадников. Общее командование над всеми ополченцами принял абхазский владетель, имевший в ту пору чин генерал-майора.

Нелишне отметить, что генерал Анреп не считал возможным начинать наступление без участия милиции, являвшейся

29. Имеется в виду гурийское восстание 1841 г.

30. Гурийские милиционеры, участвовавшие в Убыхской экспедиции, до этого принимали участие в подавлении восстания в своем крае, во время которого они, по оценке источника, выражающего официальную точку зрения, «действовали так, как невозможно лучше требовать».

серьезным фактором в боевых действиях. Во-первых, ополченцы имели конницу, которой было немного в линейных войсках, во-вторых, они были лучше снаряжены и приспособлены для действий в горно-лесистой местности. Так, в описаниях кавказских войн отмечается изобретательность абхазов в горной войне, их смелость, меткая стрельба и умение быстро и бесшумно двигаться большими массами. Начальник штаба русского экспедиционного отряда Г.И.Филипсон (в ту пору полковник) вспоминает как темной безлунной ночью он ждал абхазскую милицию, которая должна была присоединиться к войскам: «Я разослал офицеров искать ее, а сам ожидал в таком месте, где она непременно должна была проходить. Но прошло полчаса, а ее не было; новые посланные прибежали мне сказать, что она уже на месте и что отряд уже двинулся. Оказалось, что 1500 человек пеших абхазцев прошли от меня в 15 сажнях (ок. 32 м. – Г.А.), а я этого не подозревал. Вековой навик... заставил горцев приспособить так свою одежду, обувь и оружие, что при ночных движениях, никакой шум или бряцание им не изменяют».

В глаза бросается отсутствие садзов среди милиционеров. По заявлению генерала Анрепа, он велел собравшимся джигетским князьям милицию не выставлять, а оставаться в собственных домах, для защиты своих владений. Но думается, это был благовидный предлог, чтобы избежать сбора джигетского ополчения, не пользующегося доверием начальства. Неслучайно, генерал от инфантерии Головин, еще за месяц до описываемых событий, определил цели планируемой экспедиции, как «покорение и наказание убыхов и упрочение покорности джигетов». В своем рапорте Анреп отмечает: «Убыхи в полной уверенности, что русские не проникнут в их землю... стращали джигетов совершенным разорением по уходе отряда. Джигеты, из боязни, а отчасти подстрекаемые людьми неблагонамеренными, приняли вид весьма сомнительный. Особенно в племенах,

ближайших к убыхам: Хамыш и Арид (примерно на территории от Хосты до Адлера. – Г.А.) видно было почти враждебное расположение. Около лагеря бродили люди, старавшиеся делать всякий вред, стрелять по выслаемым командам, прикрытиям, воровать лошадей и тому подобное».

Наконец, к первым числам октября 1841 года все было готово для выступления. На адлерский рейд прибыла эскадра Черноморского флота в составе 84-пушечного линейного корабля, 60-пушечного фрегата, трех пароходов и нескольких более мелких военных судов. 8-го октября за два часа до рассвета отряд двинулся в направлении форта Навагинского по прибрежной дороге. Одновременно с выступлением наземных сил, снялась с якоря эскадра и легла на параллельный курс. Ближе к берегу держались азовские лодки и баркасы.

Генералу Анрепу было известно, что убыхи готовятся к решительной схватке. В их лагере в долине Мацесты находилось до 5 тысяч пеших и конных воинов, в числе которых были ахчипсаа. На пути движения царских войск, на берегу и смежных высотах, было построено множество прочных завалов, сделанных из стволов огромных деревьев или из двойного ряда плетня с набитою в середине землею.

Желая отвлечь часть противостоящих сил, начальник береговой линии предложил Михаилу Шервашидзе послать 450 милиционеров на двух пароходах к укреплению *Головинское* (в устье р. Шахе), высадиться ночью и атаковать ближайшие аулы. Абхазский владетель лично возглавил набег, но, обнаружив в окрестностях форта только пустые селения, возвратился назад. «Этот поиск показал, что все народонаселение, могущее носить оружие, оставило дома свои и собралось между Сочеем и Адлером».

Бои начались в конце первого перехода, на р. Хоста, в земле джигетского общества Хамыш и сразу же приняли оже-

сточенный характер. Боевые корабли, приблизившись к берегу, открыли ураганный артиллерийский огонь по завалам. Горцы вынуждены были их оставить и укрыться за изгибами местности, но как только стихла канонада и под барабанный бой стала выдвигаться русская пехота, защитники завалов бросились к своим позициям и встретили солдат ружейным огнем. Тем не менее к концу дня в жарком бою войскам удалось овладеть передовыми укреплениями горцев.

Раннее утро второго дня началось сильной перестрелкой, так как ночью к полю боя подошли главные силы убыхов во главе с Хаджи Исмаил Берзеком. «Вероятно, немногим на Кавказе удалось слышать такой батальный огонь горцев, какой убыхи открыли по всей линии, прежде чем бросились в шашки», – рапортовал в Петербург генерал Анреп. Впрочем, при содействии корабельной артиллерии русским войскам удалось расчистить себе путь и после тяжелого трехдневного перехода, к вечеру 10-го октября выйти к Навагинскому укреплению. Однако из-за больших потерь, понесенных в сражении (около 600 убитых и 3000 раненых), генерал Анреп отказался от намерения вторгнуться в Убыхию. Значительный урон понесли и горцы. «Множество лучших людей, бывших по обычаю впереди в деле, убито и ранено», – сообщает Анреп. Только из двух важнейших дворянских фамилий убыхов – *Берзек* и *Дзиаш* – было убито соответственно 11 и 7 воинов. Но все-же горцы нанесли противнику большой урон, нежели им был причинен. Об этом прямо говорится в донесении контр-адмирала Серебрякова: «...и со стороны неприятеля не без потерь, но не сможет сравниться с нашей, потому, что горцы всегда ведут перестрелку врассыпную и имели возможность бить наших в густой колонне, идущей у самого моря».

Бои продолжались и в последующие дни на территории современного города Сочи, увеличив потери русского отряда еще на 100 человек, убитых и раненых.

Экспедиция в Псху 1843 года. В конце 1843 года начальник третьего отделения береговой линии генерал-майор Муравьев предпринял экспедицию к верховьям реки Бзыбь, в долину Псху, со всех сторон окруженную горными цепями. Целью похода объявили: «понуждения жителей выслать из края скрывавшихся у них цебельдинских абреков, не принимать их впредь и самим не участвовать в их предприятиях». Во главе экспедиционных сил (1200 солдат и офицеров, не считая милиции) был поставлен владетель Михаил, но Муравьев находился там же и руководил действиями войск. 26 декабря отряд выступил из Бамборы и через селение *Ачандара*, а затем по ущелью *Аапсы*, после трудного пути по заснеженным горам, во время которого солдаты на своих плечах несли артиллерийские орудия и зарядные ящики, достигли поселений псхувцев. Застигнутое врасплох население, насчитывавшее около 500 дворов с общим числом жителей до 2 тысяч человек, вынуждено было покориться, приняв продиктованные условия. В Псху был назначен военный пристав. Таким образом, эта первая экспедиция к верховьям Бзыби не сопровождалась кровопролитием, но русские войска продемонстрировали, что способны проникать далеко в горы в сложных погодных и дорожных условиях. Однако вскоре после ухода отряда, псхувцы вышли из подчинения. Приставу пришлось покинуть долину. Последующие экспедиции тоже не имели решительного успеха. Общество Псху до самого конца Кавказской войны сохраняло фактическую независимость и служило убежищем для всех беглецов из Абхазии. Мало считались псхувцы и с владетельным князем, власть которого над Нагорной Абхазией была чисто номинальной.

Война на Северо-Восточном Кавказе. Как уже отмечалось, в 30–40-х годах XIX века Кавказская война достигла своего кульминационного этапа. Мюридизм, считавшийся разгромленным

после гибели Гази-Магомеда, вскоре опять набрал силы. В 1834 году имамом был избран Шамиль, развернувший успешную герилью против регулярных войск. В 1839 году главные силы Кавказского корпуса снова были передвинуты на восточный театр войны. Генерал-адъютант Граббе в кровопролитном бою захватил ставку имама – аул *Ахульго*, считавшийся неприступным, но Шамиль опять ускользнул от русских и скрылся в Чечне. На следующий год, поддержанный чеченцами, он перешел в контрнаступление и очистил от царских войск значительную часть Нагорного Дагестана. Весной 1842 года в *Ичкеринских* лесах Шамиль разбил 10-тысячный отряд генерала Граббе, покорителя Ахульго, а в 1843 году захватил 13 укрепленных пунктов в Дагестане и огромную добычу, включая десятки артиллерийских орудий. Этот период в истории Кавказской войны называют «блистательной эпохой Шамиля». Царские войска временно перешли к обороне, хотя их общая численность на Кавказе к 1844 году достигала уже 185 тысяч человек.

Недовольный действиями своих генералов, император Николай I назначил наместником и главнокомандующим на Кавказе графа Воронцова, предоставив ему чрезвычайные полномочия. Прибыв в Тифлис в марте 1845 года, Воронцов вскоре выступил в поход против Шамиля во главе 27-тысячного отряда, однако и эта экспедиция, как известно, закончилась провалом. Отряд наместника был окружен в горах и избежал гибели или плена лишь благодаря подоспевшей вырубке.

В апреле 1846 года Шамиль с 10-тысячным ополчением вторгся в Кабарду, чтобы соединиться с адыгами и образовать общий фронт от Дагестана до Черного моря. Но замысел имама остался неосуществим в известной мере из-за пассивности кабардинцев, занявших выжидательную позицию. Шамилю пришлось вернуться в Чечню. С ним ушла небольшая группа кабардинцев, примкнувшая к его войску.

Мюридизм на Западном Кавказе. Магомед-Амин. Шамиль все же не отказался от попыток распространить свое влияние на Западный Кавказ. В 40-х годах здесь появляются его представители, самым заметным из которых был Магомед-Амин, аварец по национальности. В Черкесию его пригласили абадзехи, просившие Шамиля дать им достойного руководителя. Магомед-Амин тайно приехал из Чечни в 1848 году, пройдя сквозь русские кордоны, спрятанным в арбе, груженной разными товарами. По словам А.Н.Дьячкова-Тарасова, это был «замечательный по уму и настойчивости человек», и адыги пошли за ним, обещавшим свободу и независимость. С целью успешного противостояния российской экспансии, Магомед-Амин хотел перенести на черкесскую почву политический опыт имамата и создать централизованное объединение на основе узаконений шариата. Вокруг дагестанца сплотились абадзехи, махоши, темиргоевцы, хатукаевцы и ряд других адыгских народностей, в числе которых было немало так называемых «мирных», или «полупокорных» черкесов, до того не принимавших активного участия в войне. Магомед-Амин разделил своих приверженцев на общины по 100 дворов, выбиравших старшин для управления из своей среды. Из этих общин составлялись округа, для управления которыми Магомед-Амин создавал *мягкеме*³¹, во главе с *муфтием*³² и советом из трех *кадиев*³³, обладавших административно-судебными полномочиями. Было организовано также постоянное войско – конница *муртазек*³⁴. В ополчение черкесы выставляли по одному

31. Мягкеме, махкама (араб.) – духовный суд у мусульман.

32. Муфтий (араб.) – мусульманский богослов-проповедник, представитель высшего духовенства.

33. Кади (араб.) – судья, вершащий правосудие на основе шариата.

34. Муртазек, муртазикат (араб.) – воины отборной гвардии в Кавказском имамате.

воину с каждого двора; очередные всадники не имели права отлучаться из аула без дозволения и должны были по первому зову являться на сборные пункты. В случае особых обстоятельств собиралось поголовное ополчение.

Формально являясь наибом (наместником) Шамиля в Черкесии, Магомед-Амин, из-за географической разобщенности с имаматом, фактически независимо вел газават с русскими и управлял своими округами, территория которых не имела постоянных границ и на протяжении 1848–1859 годов изменялась в зависимости от различных факторов. Орбита влияния Магомед-Амина достигла пределов своего расширения к весне 1853 года, когда она охватывала почти все Закубанье и Северо-Восточное Причерноморье. Связь наиба с Шамилем обеспечивалась тайными агентами через территории Карачая и Кабарды.

Судебно-административные органы и постоянные воинские формирования наибства содержались за счет натуральных податей с населения. Суд вершился по нормам шариата – лазутчиков лишали жизни, за воровство отсекали руку, «инакомыслящих» и ослушников воли наиба заключали в тюрьмы, содержащиеся при судебных учреждениях. Свободолюбивые адыги мирились с такими порядками, чтобы избежать господства неверных.

Консолидация сил горского сопротивления на Северо-Западном Кавказе эффективно сказалась на боевых действиях против царских войск, что отразилось и на обстановку в Абхазии. В Кодорском ущелье в 1849 году снова начались повстанческие выступления. Эшсоу Маршан с 4-сотенным отрядом появился в Дале, и хотя под натиском правительственных сил был вынужден вернуться на Северный Кавказ, «неурядицы» в Цебельде продолжались.

К исходу 1852 года Магомед-Амин распространил свое

влияние на убыхов (особенно западных, где было основано единственное мягкеме в Убыхии) и вторгся в Джигетию, где часть населения примкнула к нему. Некоторые садзские князя отправили своих всадников в войско наибо. Подчинились наibu также общества Аибга и Ахчипсы. Граница влияния мюридов достигла Гагры. Эшсоу Маршан поддерживал тесную связь с Магомед-Амином, активно участвуя в его военных предприятиях. Однако говорить о широком распространении идеологии мюридизма в Абхазии не приходится. Начальник Черноморской береговой линии вице-адмирал Серебряков в 1852 году писал: «Абхазия отделяется от земли абадзехов главным снеговым хребтом и от убыхов – едва проходимыми хребтами, образующими нагорную долину Псху и подходящими к самому морю при укр. Гагры. Чрез эти пределы еще не переступало учение мюридизма в страну абхазского племени и только джигеты и жители Ахчипсхоу, находящиеся вне этих пределов, со стороны убыхов, подвергались влиянию соприкосновения с этой сектою». Однако, надо полагать, идеи мюридизма проникали на южные склоны Кавказа, в Дал и Цабал, также со стороны северокавказских абазин, частично вовлеченных в движение Магомед-амина.

Из-за отсутствия внутренних письменных источников и почти поголовного выселения на чужбину в 60–70-х годах XIX века абхазо-абазинских групп, обитавших в нагорной полосе по обе стороны Главного Кавказского хребта, сохранилось мало сведений об этом вопросе. Но материалы устного народного творчества говорят о распространении в Абхазии в годы Кавказской войны термина «газават» (в форме – *казаут*).

Г.А.Дзидзария по этому поводу пишет: «[Абхазская] героическая народная поэзия хорошо знает газават, в его почти идентичной форме – казаут. “Казаутная война” (казаут) тема многих песен этого жанра. Например, в песне о Пшкияч-ипа

Манча говорится: Когда храбрый апыза³⁵ Манча отступая от превосходившего противника, подошел к границе, дальше которой он уже не должен был сделать ни шагу, левая нога его была пронизана семью пулями, правая – взывала казаут! Когда враги напали на местность Джмарынцвара, герой Даур Ачба – сломленную правую руку держал на перевязи, левой рукой взывал казаут! Иногда священный казаут призывает героя на подвиг даже при полной физической невозможности. Очень часто в песнях и сказаниях, особенно фрагментарных, встречается сюжет: витязь с отсеченной головой, но с не покоряющим туловищем, взывающим – “Казаут”! и т.п.»

В абхазском фольклоре газават («казаут») – общегорское явление, в котором участвовал также ряд территориально-племенных групп абхазского народа. «И сейчас еще, – продолжает Г.А.Дзидзария, – старики говорят как о недавнем времени... когда “народы воевали казаутом”. При этом характерно, что иногда территорией этих сражений являются районы северо-западного Кавказа и равнины Кубина (Кубани), встречаются и такие топонимические названия, которые заставляют искать места отдельных событий в областях восточного Кавказа – родины газавата». Таким образом, фольклорные материалы свидетельствуют, что в представлении абхазов рассматриваемого периода, их освободительная борьба перекликалась с движением народов Северного Кавказа и Дагестана.

35. Апыза (абх.) – военный вождь, предводитель.

ВОСТОЧНАЯ (КРЫМСКАЯ) ВОЙНА. ЗАВЕРШЕНИЕ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ И УПРАЗДНЕНИЕ АБХАЗСКОГО КНЯЖЕСТВА (1853-1864 гг.)

Западный Кавказ в годы Восточной войны. Восточная, или Крымская, война началась в конце 1853 года как очередной русско-турецкий конфликт, но вскоре переросла в противоборство России с коалицией государств в составе Англии, Франции, Турции и Сардинского королевства за господство на Ближнем Востоке. Боевые действия сухопутных войск развернулись на Дунае, в Крыму и на Кавказе, военно-морских сил – на Черном, Балтийском и Белом морях и в Тихом океане. Главным театром военных действий являлся полуостров Крым и Черноморский регион в целом.

В планах коалиции Кавказу отводилась важная роль, поскольку он имел огромное стратегическое значение и здесь шла продолжительная война с горцами, делавшая край «слабым звеном» в системе российских владений. В стремлении использовать кавказцев в своих целях турецкое и англо-французское командование установило связи с руководителями

горского движения. Особенно большие надежды возлагали союзники на Шамиля и Магомед-Амина.

Шамиль со своей стороны серьезно отнесся к возможности прорыва блокады, в которой со дня основания находился имамат. Летом 1854 года, когда турки развернули наступление на Закавказье, 12-тысячное войско горцев прорвало Лезгинскую кордонную линию, прикрывавшую Грузию со стороны Дагестана, и приблизилось к Тифлису на 60 километров, однако было задержано грузинским ополчением и отброшено подоспевшими частями регулярной армии. Одновременно, главные силы (35–40 тысяч чел.) турецкой Анатолийской армии в сражении при *Кюрюк-Дара* были разгромлены 25-тысячным отрядом генерала Бебутова и отошли к крепости *Карс*.

Эти неудачи произвели тягостное впечатление на западных союзниках, но вера в военный потенциал кавказских горцев сохранялась. Французский маршал Сент-Арно после личной встречи с Магомед-Амином и другими черкесскими вождями в июле 1854 года под Варной, где находились главные силы англо-французов (50000 чел.), представил план экспедиции союзных сил на Кавказское побережье с целью захвата Анапы и Сухум-Кале (которым союзники придавали важное стратегическое значение) и разгрома русской армии при содействии горцев. Но план вторжения на Кавказ не был поддержан англичанами, предпочитавшими действовать тут без французов. Поэтому в сентябре 1854 года объединенная армия союзников направилась в Крым.

Восточная война раскрыла военную и экономическую отсталость царской России. Появление на Черном море англо-французских эскадр, обладавших военно-техническим превосходством над русским флотом, резко изменило в пользу коалиции обстановку на главном театре военных действий. Гарнизоны Черноморской береговой линии ока-

зались под угрозой плена или гибели. Поэтому весной 1854 года по приказу Николая I они были спешно эвакуированы, а укрепления взорваны. Из кавказских приморских крепостей русское командование собиралось удержать лишь Анапу и Новороссийск, связанные сухопутным сообщением с Черноморской кордонной линией.

Пользуясь уходом русских из Абхазии, в начале мая 1854 года в Сухум-Кале высадился турецкий отряд в 1500 человек с артиллерией (36 орудий) во главе с натухайским князем Сефербеем Заноко. Князь был уже немолод, успел побывать и на русской, и на турецкой военной службе. С 1831 года находился в Турции в ранге представителя воюющей Черкесии, помогал горцам доставать и переправлять на Кавказ порох и оружие. В 1836 году российское правительство добилось от Порты его высылки из Стамбула, но Сефербей продолжал активную деятельность. Теперь османцы рассчитывали с его помощью поднять черкесов на всеобщую войну с русскими и привлечь на свою сторону абхазского владетеля. Султан пожаловал Сефербею достоинство паши и номинальное звание генерал-губернатора Черкесии. Однако к моменту прибытия турецкого эмиссара, Михаила Шервашидзе в Абхазии не оказалось. Он находился в Тифлисе, где 19 мая 1854 года встретился с генералом Реадом, замещавшим заболевшего Воронцова. Владетель был в затруднительном положении. Независимо от его воли и намерений в Абхазии высаживались турецкие войска, на Сухумском рейде бросали якорь корабли англо-французского флота, ждали прибытия Магомед-Амина с черкесской конницей.

Михаил Шервашидзе вначале собирался оказать сопротивление врагу и просил у начальства в подкрепление 10 батальонов (по другим данным – 8) и 30 орудий. Однако главное командование не только не могло выделить такие силы (основная часть Кавказского корпуса по-прежнему была занята борьбы с

горцами), но и приказало вывести из Абхазии гарнизоны береговой линии. Михаил понял, что его княжество бросают на произвол судьбы. В такой ситуации, когда исход войны еще не был определен, он не торопился делать решительные шаги. По всей видимости, владетель не хотел жертвовать собой или Абхазией ради интересов одной из противоборствующих сторон.

У нас мало источников, отражающих внутреннее положение Абхазии в рассматриваемый период, но, по всей видимости, оно напоминало ситуацию 1824–1830 годов. Русские войска покинули страну и только Сухумская крепость находилась в руках иноземцев, на сей раз – турок. Абхазы, как и прежде, враждовали с гарнизоном. Теофил Лапинский³⁶, хорошо осведомленный о событиях на Кавказе, пишет: «В Сухум-Кале сделалось опять пустынно и глухо; Сефер-паша (Сефербей. – Г.А.) со своим гарнизоном был как бы блокирован с суши, потому, что живущие кругом абазы не выпускали никого из крепости; отдельные же турецкие солдаты, удалявшиеся далеко от крепости, захватывались в плен подкараулившими их абазами и продавались в горы. Были даже случаи, что беззаботные турецкие часовые похищались ночью с их постов». Турки пытались привлечь на свою сторону влиятельных феодалов, раздавали звания и должности. Так, в период их присутствия в Абхазии, правителем Самурзаканского округа стал

36. Лапинский Теофил (1827-1886) – Польский дворянин, офицер и писатель, деятель польского освободительного движения. Как и многие другие поляки принимал участие в Венгерской революции 1848-1849 гг. В Восточной войне сражался в войсках коалиции. Т. Лапинский сочувственно относился к освободительной борьбе кавказских горцев, видя в них естественных союзников Польши. В 1857 г. в составе отряда европейских добровольцев он отправился в Черкесию и пробыл там до 1859 г., участвуя в боях с русскими войсками. Вернувшись в Европу, старался обратить общественное внимание на ситуацию в Черкесии. Вероятно, эту цель преследовала его книга: «Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских», изданная на немецком языке в Гамбурге в 1863 г.

известный Кац Маан (к тому времени уже генерал-майор), перешедший на сторону османцев.

Между тем война набирала обороты. Основные события развернулись вокруг Севастополя, где союзники столкнулись с упорным сопротивлением русских, защищавших этот главный военный порт на Черном море. Но союзное командование не забывало о северокавказском направлении, планируя десант в Черкессию, чтобы с помощью горцев оттеснить русских на север от Кубани и Терека. 13 мая 1855 года англо-французы захватили Керчь и вплотную подошли к кавказским берегам. Видимо, не случайно, что именно в это время, после целого года пребывания в Сухум-Кале, к натухайцам прибыл Сефербей Занок с небольшим военным отрядом. Русские военачальники, получившие от лазутчиков преувеличенные сведения о силе его войска и намерений черкесов атаковать Екатеринодар (на фоне подступившей к Тамани англо-французской эскадры), решили сузить линию обороны. Укрепления Анапы и Новороссийска были скрыты, а их гарнизоны переведены на правый берег Кубани, для пополнения развернутых там войск. Отныне вплоть до конца Восточной войны передовым оборонительным рубежом русской армии на Северо-Западном Кавказе становится река Кубань и так называемая Темрюкская позиция у основания Таманского полуострова. Этим немедленно воспользовался Сефербей и занял Анапу с полуторасотенным отрядом. Теперь союзники надеялись, что князь предоставит в их распоряжение крупные силы горцев. По плану англо-французского командования, согласованному с Сефербеем, весной 1855 года 7 тысяч натухайцев и шапсугов должны были поддержать наступление союзных сил на Темрюкскую позицию; однако адыги, уставшие от долгой войной, не выставили требуемое количество воинов, а атака англо-франко-турецкого десанта была отражена русскими. Горцы и в дальнейшем не

оказывали сколько-нибудь активного содействия войскам коалиции. Многие из них верили, что раз русские ушли за Кубань, отпала необходимость в войне с ними.

Такие настроения создали угрозу военно-политическому объединению Магомед-Амина. Особенно в приморье, где позиции ислама были слабыми и сохранялись пережитки христианства и языческих верований. Здесь далеко не всем нравилось настойчивое насаждение исламских порядков, практикуемое мюридами, но мирились с этим в интересах освободительной борьбы. Однако после ухода русских, в Шапсугии и Убыхии перестали функционировать мягкеме, судьи и начальники были изгнаны, распались отряды муртазек. В некоторых местах жители сожгли мечети и восстановили кресты, которым поклонялись их деды и отцы. «Так как русские теперь отступили, то оказался не нужен более и пророк Магомед», – комментирует эти события Теофил Лапинский. Даже среди абадзехов, в целом сохранивших верность наibu, обнаружились оппозиционные тенденции.

Делу политического сплочения западных адыгов сильно повредило появление в Черкесии второго харизматического лидера в лице Сефербея, опиравшегося на натухайцах и части шапсугов. Князь считал, что сопротивление русским в Черкесии должен возглавить именно он, «природный» черкес, потомок именитого рода, а не пришелец из Дагестана. Сефербей мечтал восстановить былое значение родовой аристократии среди западных адыгов и создать черкесское княжество под покровительством Порты, в отличие от Магомед-Амина, опиравшегося на «демократические» слои общества и ориентированного на Кавказский имамат. Эти противоречия не только парализовали совместные действия против русских, но и привели к вооруженным столкновениям между горцами. Распря закончилась в 1859 году, когда

скоропостижно умер князь Сефербей, а Магомед-Амин после падения Кавказского имамата отказался от продолжения борьбы.

В документах периода Восточной войны вновь фигурирует неуловимый предводитель кодорских повстанцев Эшсоу Маршан. В донесении начальника Главного штаба войск, расположенных на Кавказе, генерал-лейтенанта Козловского от 9 августа 1854 года сообщается, что сванетский владелец ротмистр Дадешкелиани «получил приглашение от зятя своего кн. Эшсау Маршани, абрека цебельдинского, присоединиться к неприятелю и пропустить через Сванети, по Ингурскому ущелью, партию пеших горцев, которая напала бы на Мингрелию со стороны Джвари, а одновременно с другой стороны, т.е. из Абхазии, вторгнулись бы горцы конные, между тем как с моря и из Турции вступили бы в Мингрелию и Гурию войска турецкие и союзных держав». Однако план двойного вторжения кавказских горцев в Мегрелию не был осуществлен, видимо, отчасти из-за отказа князя Дадешкелиани, воздержавшегося от открытого разрыва с Россией.

В сентябре-октябре 1855 года османцы перебросили в Абхазию 30-тысячный экспедиционный корпус под командованием Омер-паши, который двинулся к пределам Мегрелии, чтобы диверсией вглубь Грузии облегчить положение Карса, осажденного русскими войсками. 23–25 октября 1855 года на подступах к Зугдиди произошло кровопролитное сражение между главными силами Омер-паши (20 тыс. регулярных войск при 37 орудиях и несколько тысяч милиции) и русским отрядом генерал-лейтенанта князя Багратион-Мухранского (около 19 тыс. человек, 28 орудий), значительную часть которого составляла грузинская милиция. В рядах русского отряда сражались также бойцы и офицеры абхазской национальности. В том числе полковник Дмитрий Шервашидзе (сын

Хасанбея), подполковник Соломон Званба, подпоручик Зураб Анчабадзе, прапорщик Самсон Шервашидзе и др. Сражение не было удачным для русских войск и Багратион-Мухранский отступил. Турки оккупировали Мегрелию.

В этой войне немало абхазов воевало и на стороне союзников. В авангарде войск Омер-паши находились легкоконные отряды абхазских всадников, первыми вышедшие к ингурскому берегу. Враждебные настроения обнаружались и в Самурзаканском округе; отряд для действий в тылу врага, направленный туда Багратион-Мухранским, вынужден был вернуться назад, ибо «жители не только оказывали ему явное неблагорасположение, но даже перестреливались с передовыми постами его». Самурзаканская милиция во главе со своим командиром, князем Чхотуа, почти в полном составе перешла на сторону турок. Лишь небольшая ее часть, сохранившая верность России, переправилась вместе с приставом на левый берег.

Из правителей княжеств, подконтрольных кутаисскому военному губернатору, только правительница Мегрелии Екатерина Чавчавадзе, супруга скончавшегося в 1853 году мтаваря Давида Дадиани, выказала полную лояльность Российской империи. Сванетских владельцев русские власти обвиняли в сношениях с Омер-пашой. Еще большее раздражение вызвало у начальства поведение Михаила Шервашидзе в период Восточной войны.

Весной 1854 года Михаил оказал большую помощь кавказскому командованию в деле организованного вывода русских войск из Абхазии. Выставленные им заслоны абхазской милиции обеспечили безопасное прохождение русских колонн, которым угрожало нападение враждебных горцев. Эта операция получила высокую оценку в Петербурге; абхазский владетель был удостоен почетной награды – ордена Белого орла. Как писал тогда военный министр В.Долгоруков: «...кн[язь] Шер-

вашидзе неоднократно уже доказал, что умеет действовать самостоятельно, с честью для себя и с пользой для службы». Однако вскоре случились события, бросившие тень на абхазского владетеля в глазах высокого начальства. Когда в Абхазии высаживались передовые отряды турок, владетель с семьей находился в Мегрелии, в имении своего тестя, Георгия Дадиани. В апреле 1855 года он встретился в Зугдиди с новым наместником Кавказа генерал-адъютантом Н.Н.Муравьевым. По сообщению наместника, владетель попросил разрешения поехать в Абхазию, «дабы противодействовать там намерениям неприятеля». Муравьев отклонил эту просьбу, предложив Михаилу переждать события в Тифлисе или же выехать в действующую армию на турецкой границе. По воспоминаниям современников, владетель после этой беседы был в раздраженном состоянии духа и вскоре самовольно вернулся в Абхазию, где встречался с Омер-пашой и другими турецкими военачальниками. Этот шаг Михаила свидетельствует о его серьезном разладе с русскими. По имеющимся данным, турецкий султан, желая привлечь на свою сторону абхазского владетеля, пожаловал ему звание паши и провозгласил правителем всего Восточного Причерноморья от Анапы до Николаевского поста, однако Михаил фактически ничего не сделал для турок. Он по-прежнему поддерживал связи с Тифлисом, желая показать, что продолжает блюсти интересы России. Так, 16 июня 1855 года в письме генералу Бебутову, Михаил сообщает, что внес раскол между турецким командующим и вождями черкесского войска, прибывшего в Абхазию для соединения с турками, из-за чего многие черкесы вернулись домой.

Попытки Михаила Шервашидзе уклониться от проявления четкой позиции в русско-турецкой войне, вызывали недовольство обеих противоборствующих сторон. Турки сомневались в преданности и чистосердечии Хамид-паши (под этим

именем фигурирует Михаил в турецких документах); кавказский наместник же так выразил свое мнение – «в действиях владетеля Абхазии я вижу двуличное поведение против нас и турок, происходящее от волнующих его сомнений: за кем из воюющих сторон останется Абхазия? Он не имеет искренней привязанности ни к одной стороне, но желает сохранить свое владение и считает себя в праве держать род нейтралитета, забывая свое высокое звание генерал-адъютанта е[го] и[мператорского] в[еличества]».

Несмотря на успехи союзников на главном театре военных действий в Крыму, на Кавказе их дела складывались не лучшим образом. Омер-паша застрял в Мегрелии, где население развернуло против турок партизанскую войну. На южном направлении в ноябре 1855 года русские захватили город-крепость Карс, где капитулировали остатки Анатолийской армии со всей артиллерией и имуществом. Военные ресурсы Османской империи были исчерпаны. Узнав о падении Карса, Омер-паша приказал своим войскам отступить к морю, к Редут-Кале, откуда их перевозили в Батуми и Трабзон. В мае 1856 года последние формирования турок покинули кавказские берега.

Восточная война закончилась поражением Российской империи. По условиям Парижского мирного договора (март 1856 г.) она потеряла небольшую, но стратегически важную территорию в районе устьев Дуная и был ограничен ее суверенитет на Черном море, объявленное нейтральным (Россия и Турция не могли держать там военные флоты и военно-морские арсеналы). Таким образом Парижский мир ослабил позиции России на Ближнем Востоке и Балканах, но на Кавказе она сохранила позиции, несмотря на попытку английских дипломатов, внести на рассмотрение вопрос о независимости Черкесии.

После того, как стало известно о заключении мира, в апреле 1856 года представители Абхазии и Самурзаканского округа

под председательством Михаила Шервашидзе, при участии некоторых джигетских князей, провели в Сухум-Кале совещание на тему – как вернуться под власть России, избежав наказания. Затем владетель выехал в Тифлис для решения этого вопроса.

Михаил Шервашидзе вызывал раздражение русских властей своим поведением во время войны, но в Петербурге решили замять этот вопрос, пока продолжалась борьба с горцами, и не отстранять владетеля от власти. Расследование дела об его «измене» было прекращено под предлогом, что «государь не нашел прямых доказательств преднамеренной, с сознанием цели рассчитанной измены». Прощение получили и сотрудничавшие с турками абхазские феодалы, чтобы использовать их ресурсы на завершающем этапе Кавказской войны. Таким образом, вопрос был улажен. В июле 1856 года в Сухумской гавани высадились русские войска во главе с Михаилом Шервашидзе.

Завершение русско-горской войны. По окончании Восточной войны русское правительство не стало восстанавливать Черноморскую береговую линию, стоившую огромных материальных и людских ресурсов, но давшую сравнительно небольшие результаты. Вернули только важнейшие стратегические пункты: Анапу, Новороссийск и Гагру. Развалины остальных укреплений были оставлены горцам, которые владели ими до 1864 года. Отпала от Российской империи также Джигетия, возобновившая союз с убыхами. Однако джигетские (садзские) князя, в отличие от убыхов, вели более осторожную политику, стараясь не ввязываться в полноценную войну с русскими.

В июле 1856 года император Александр II назначил наместником и главнокомандующим на Кавказе генерал-адъютанта князя Барятинского, которому передал такие силы, какими прежде не располагал ни один из его предшественников. Отдельный Кавказский корпус, усиленный в ходе Восточной вой-

ны четырьмя дивизиями, в 1857 году был развернут в армию, численность которой вместе с прикомандированными частями составила 350 тысяч человек. Готовясь к решительным действиям, Барятинский реформировал военное управление Кавказа, создав пять новых военно-административных отделов. Каждый из них был вручен самостоятельному военачальнику, облеченному правами корпусного командира. В частности, на Чечню и Дагестан были нацелены три военных отдела. Против горцев Северо-Западного Кавказа действовали два военачальника: с севера (со стороны Кубани) – командующий войсками правого крыла (в его состав вошли бывшие правый фланг и Черноморье с приписанными к последнему морскими средствами), а с юга – кутаисский генерал-губернатор. Последнему в военном отношении подчинялись также Абхазское княжество и округа – Цебельдинский и Самурзаканский. Старший командир, расположенных здесь войск со штаб-квартирой в Сухум-Кале, носил звание – *начальник войск в Абхазии*.

Несколько месяцев спустя после заключения Парижского мира, Россия возобновила боевые действия против горцев, но в отличие от прежних времен, вместо разрозненных экспедиций ныне предполагалось вести систематическое и непрерывное наступление до победного конца. Барятинский разработал детальный план продвижения войск от рубежа к рубежу с прочным закреплением занятых территорий. Имперское правительство неизменно поддерживало силы и средства, необходимые для самого настойчивого ведения военных действий.

Основные усилия Барятинский направил против Шамиля, развернув вокруг имамата 200-тысячную группировку. Постепенно сжимая кольцо блокады, русские войска летом 1859 года окружили Шамиля на горе Гуниб, где после безнадежного сопротивления вождь горцев сдался лично наместнику и был отправлен в Россию.

После падения Кавказского имамата центр внимания российского верховного главнокомандования снова переместился на правый фланг Кавказской линии. Для усиления войск, расположенных на Кубани, сюда стали перебрасывать ударные части Кавказской армии, закаленные в боях с отрядами Шамиля. В такой ситуации Магомед-Амин, понимая бесперспективность дальнейшего сопротивления, решил сложить оружие. В ноябре 1859 года во главе двух тысяч всадников – абадзехов и баракаев (племя из группы абазин-ашхарау) – он явился в русский военный лагерь к командующему правого крыла, генерал-лейтенанту Филипсону, и присягнул на верность российскому императору. Вместе с ним присягнули сопровождавшие его старшины. Фактически был заключен мир на компромиссных началах – абадзехи принимали российское подданство, но сохраняли свою территорию и внутреннюю независимость. В Петербурге поначалу с восторгом приняли эту весть, но в правящих сферах империи были люди, которые критически отнеслись к мирному договору, находя его не соответствующим достоинству России. Резко против было настроено и большинство кавказского генералитета, включая главнокомандующего. На совещании высшего командного состава Кавказской армии во главе с князем Барятинским, состоявшемся во Владикавказе в начале октября 1860 года, по этому вопросу столкнулись мнения генералов Филипсона и Евдокимова³⁷. Г.И.Филипсон, опасаясь, что жесткие меры могут лишь ужесточить сопротивление горцев и станут поводом для вмешательства европейских держав, предлагал мягкий подход: опираясь на авторитет недавно приобретенного союзни-

37. Евдокимов Н.И. (1804-1873) – известный деятель Кавказской войны, выходец из простонародья. В армию вступил в 16 лет, прослужив три года нижним чином. За личную храбрость и способности быстро поднимался по служебной лестнице. В 1859 г. получил графский титул а в 1864 г. – чин генерала от инфантерии.

ка, Магомед-Амина, поставить еще сопротивляющиеся племена в ту же степень зависимости что и абадзехов, и ограничить российское присутствие в Черкесии занятием ряда стратегических пунктов, прокладкой дорог и введением управления сообразно быту и нравам горцев.

План генерала Евдокимова, напротив, состоял в том, чтобы решительно вытеснить туземное население из гор и заставить его либо переселиться на плоскость под русское управление, либо уйти в Турцию, что было бы более предпочтительной мерой, способной окончить войну в кратчайший срок. Земли от реки Белой (*Шхагуашэ*) до Черного моря Евдокимов предлагал заселить казачьими станицами. Из этих проектов победу одержал второй, который и получил высочайшее одобрение. В 1860 году вместо умеренного Филипсона, командующим правого крыла был назначен генерал-адъютант Евдокимов, ревностный сторонник депортации горцев.

Вверенная Евдокимову группировка насчитывала 70 пехотных батальонов (примерно 3,5 дивизии), одну драгунскую дивизию, 20 казачьих полков и 100 полевых орудий. «Несмотря на столь значительное число войск, – отмечается в пособии по военной истории России 1898 года, – им пришлось бороться с неприятелем почти четыре года и перенести массу труда и лишений».

Еще в 1859 году русские войска почти полностью окружили территорию натухайцев. Часть народа переселилась в Шапсугию (более 2000 семейств) или выехала в Турцию, а оставшиеся признали зависимость от России, что, впрочем, не спасло их от депортации спустя несколько лет.

Весной 1860 года генерал Евдокимов, действуя со свойственной ему энергией, атаковал шапсугов и хотя не смог разгромить этот сильный народ, к концу года оттеснил его к морю, за западные отроги Главного Кавказского хребта. Абадзехи, на-

деявшиеся на договор, заключенный с Филипсоном, не вмешивались в ход событий и даже пропустили через свои земли военные колонны, двигавшиеся на шапсугов. Но весной 1861 года, когда царские войска передвинули кордонную линию с Лабы на реку Фарс, изгнав или уничтожив местное население, они встревожились и попробовали завязать переговоры. Евдокимов категорически заявил их представителям, что требует не мирного соседства, а безусловной покорности и переселения на плоскость. В ответ абадзехи взяли за оружие.

Русские войска наступали вдоль северных склонов Западного Кавказа с противоположных направлений: от Анапы на восток, и от Лабы на запад. Силы, подчиненные кутаисскому генерал-губернатору, были развернуты против Джигети, Убыхии и горных абхазских обществ. Жителей Северо-Восточного Причерноморья беспокоили усиленным крейсерством и десантными действиями.

Угроза, нависшая над народами Северо-Западного Кавказа, побудила их создать новый центр сопротивления, взамен распавшегося объединения Магомед-Амина. В июне 1861 года в долине *Псахо* близ Сочи по инициативе убыхов был созван съезд представителей горских народов, на котором учредили союзный совет (*Меджлис*) под названием: «Великое и свободное собрание». В этот руководящий орган вошли 15 видных представителей освободительного движения – духовные и военные лидеры. Возглавил меджлис Герандук Дагомук Берзек, племянник Хаджи Исмаила, возглавивший убыхов после смерти своего дяди. Хаджи-Берзек Младший, прозванный черкесским Шамилем, был признанным военным лидером западнокавказских горцев. Территория, контролируемая союзом, делилась на двенадцать округов, учрежденных на основе существовавших обществ. В долине *Псахо*, в километре от моря, были построены специальные зда-

ния для заседаний меджлиса и судопроизводства, молельни, кунацкие. Учредили также единую налоговую систему. Для постоянного войска из каждых 100 дворов постановили выводить по 5 вооруженных всадников. По разным сведениям от четырех до пяти тысяч убыхов и ахчипсаа отправились защищать адыгские аулы Закубанья от войск Евдокимова. Все же, по некоторым данным, Сочинский меджлис мог выставить до 15 тысяч хорошо вооруженных всадников.

Садзы, несмотря на настойчивые требования убыхов, воздержались от посылки своих людей за хребет, мотивируя это необходимостью защиты собственных поселений от нападений с моря. Как отмечает Ш.Д.Инал-ипа, «...положение садзов во всей этой сложной и трудной ситуации было не только нелегким, но и достаточно противоречивым и щекотливым. Как видно, они не всегда хотели безрассудно следовать убыхской политике непримиримого экстремизма, но убыхи всеми силами стремились преодолеть их колебания, вывести из-под влияния абхазского владетеля Михаила, придерживавшегося прорусской ориентации, и накрепко пристегнуть их к своей военно-политической колеснице».

Горские предводители понимали сложность ситуации, в котором находились, и поэтому параллельно силовому отпору, искали возможности договориться с русскими, сохранив при этом право проживания на родной земле. С этой целью летом 1861 года три представителя меджлиса во главе с Хаджи Герандуком с ведома генерала Евдокимова отправились в Тифлис для встречи с Бярятинским. Сопровождал их абазинский князь, полковник русской службы Мамат-Гери Лоов. Однако главнокомандующего на месте не оказалось и горцев принял генерал-адъютант князь Г.Д.Орбелиани, временно исполнявший должность командующего Кавказской армией. Эта встреча ничего не дала, Орбелиани лишь подтвердил

требования, предъявляемые Евдокимовым, однако важной новостью, которую горцы узнали от него, была то, что в скором времени на Кавказ прибудет сам государь и лично выслушает их просьбы.

Александр II посетил Северный Кавказ осенью 1861 года, в связи с чем было заключено перемирие. В октябре император дважды встречался с горскими представителями, заявившими, что готовы признать подданство России при условии, что останутся на своих землях и сохранят внутреннюю автономию. Но царь отверг эти условия, потребовав безоговорочного подчинения и переселения в назначенные места. В противном случае горцам предлагалось уйти в Османскую империю, выразившую желание принять кавказцев, чтобы расселить их военными колониями среди славянского населения Балканского полуострова. Горские депутаты попросили время для всенародного обсуждения, на что им был дан один месяц, который горцы сочли недостаточным. Переговоры зашли в тупик...

В ноябре 1861 года война возобновилась при огромном неравенстве сил. «Теперь речь идет уже не об армии, в бой вступает настоящая армада», – пишет швейцарский писатель и историк Ерик Осли. Началось планомерное наступление на Черкессию, сопровождавшееся вырубкой лесов, уничтожением аулов и изгнанием людей из своих жилищ.

Ростислав Фадеев откровенно рисует картину действий правительственных войск на этом заключительном этапе войны:

«Горцы потерпели страшное бедствие; в этом нечего запираться, потому что иначе и быть не могло. Они отказались от милостивых предложений, сделанных им лично государем императором, и гордо приняли вызов на войну. Никакие договоры с тех пор уже не были возможны, да и не с кем было их заключить, при царившей у них безлاديце. Горцы сопротивлялись чрезвычайно упорно, не только в открытом бою,

но еще больше инерцией массы: они встречали наши удары с каким-то бесчувствием; как отдельный человек в поле не сдавался перед целым войском, но умирал, убивая, так и народ, после разорения дотла его деревень, произведенного в десятый раз, цепко держался на прежних местах. Мы не могли отступить от начатого дела и бросить покорение Кавказа, потому только, что горцы не хотели покоряться. Надобно было истребить горцев наполовину, чтобы заставить другую половину положить оружие. Но не более десятой части погибших пали от оружия; остальные свалились от лишений и суровых зим, проведенных под метелями в лесу и на голых скалах».

Горцы, согласившиеся переехать на плоскость, попадали там под такой властный произвол, что их судьба оказывалась едва ли лучшей, чем положение оставшихся в зоне боевых действий. Даже представитель высшего круга кавказской военно-чиновной администрации князь Г.Д.Орбелиани в 1861 году писал: «По требованию военных обстоятельств из земель, указанных туземцам, мы нередко отнимали часть под казачьи поселения или укрепления и раз поселенных на новых местах по требованию этих обстоятельств снова переселяли и иногда по несколько раз с места на место, но при этом новом переселении земли указывались туземцам только в примерном количестве и для временного использования... Этой недостаточной обеспеченностью прав на землю следует объяснить ту быстроту и легкость, с какой целые аулы, а иногда и целые общества бросали указанные им земли и убегали в горы, чтобы усилить число враждовавших с нами, а в последнее время, чтобы выселяться в Турцию. Легковерие, фанатизм и ненависть к победителям играл роль второстепенную в этих явлениях».

Между тем руководители меджлиса, рассчитывавшие на помощь из-за рубежа, в июне 1862 года снарядили посольство в

Турцию и Западную Европу во главе с убыхским дворянином, Исмаилом Баракай Дзиаш. Средства, необходимые для поездки, были собраны в общинах, поддерживающих меджлис. Однако несмотря на содействие ряда западных активистов и представителей польской эмиграции, организовавших, в том числе и митинг в Лондоне с требованием помочь «черкесам», западные правительства довольно холодно приняли посланцев Кавказа. Политики реально оценивали обстановку и сочли нецелесообразным вмешательство в русско-горские отношения. Неслучайно, что именно в это время, кутаисский генерал-губернатор Колюбакин высадил десант в устье Псахо, который захватил и сжег здания меджлиса. Видимо, целью этой акции было продемонстрировать Западу разгром Сочинского меджлиса. Тем не менее заседания продолжали собираться в убыхском селе *Мутыхуа* на реке Сочи, в 11 километрах выше устья, куда царские десанты еще не могли дотянуться. В поисках выхода, группа «почетных» убыхов во главе с Хаджи Герандуком в марте 1863 года ездила в Абхазию, к Михаилу Шервашидзе за советом, но тот лишь посоветовал принять условия русских.

Между тем Кавказская война подходила к концу. В 1862 году сдались ашхарские племена; в указанный им срок они оставили свои места и переселились в Османскую империю. К началу 1864 года было сломлено сопротивление адыгов, уже сдвинутых с исконных мест обитания. Под угрозой голодной смерти или поголовного истребления войсками они стали массами уходить в Турцию. Земли горцев правительство ударными темпами заселяло русскими колонистами. Только с 1861 по 1865 год включительно в Закубанье было водворено до 16 тысяч семейств, из которых казачий элемент составлял свыше 78 процентов.

Честь покорения кавказского берега от Туапсе до Гагры выпала генерал-майору Гейману. В конце февраля 1864 года

его 10-тысячный отряд по *Гойтхскому* перевалу перешел через Главный Кавказский хребет и, практически не встретив сопротивления, спустился к морю, к полуразрушенному Велиаминовскому форту. Шапсугские старшины, встретившись с генералом, попросили лишь время для переезда в Турцию. Войска наблюдали как грузились на суда семейства переселенцев. Отрядный квартирмейстер капитан Духовский (впоследствии туркестанский генерал-губернатор) описывает сцены прощания горцев с родиной: «Почти всегда, как только отходит от берега кочерма, начинается стрельба пассажиров из ружей. Это горцы прощаются с родиной, где проливали кровь их отцы и братья. Некоторые, выстрелив в последний раз вблизи кавказской земли, с отчаянием бросали дорогие ружья свои в море».

Генерал Гейман, оставив часть войск для занятия новоучрежденных постов, с главными силами отряда (свыше 7 тыс. штыков с артиллерией) двинулся на юг, к земле убыхов, которой до этого фактически не касалось русское оружие. Убыхы были последний крупный народ на Кавказе, еще не покоренный русскими. Было известно, что по численности они значительно уступают шапсугам и абадзехам, но русские считали убыхов особенно сильными и могучими. Впрочем, после разгрома адыгов ситуация представлялась уже в ином свете. Как пишет капитан Духовский: «...действительно, есть основание называть их [убыхов] головою западнокавказских горских племен. Но спрашивается: опасна ли голова, когда от нее отрезали туловище и конечности?»

Чем ближе подходили русские к стране убыхов, тем больше нагнеталась там обстановка. Более опытные люди, в том числе почти все старшины, понимали, что русскую армию не пересилить, а продолжение войны приведет только к напрасным жертвам и разорению, хотя гласно об этом никто не за-

являл, – это противоречило горским понятиям о самолюбии и чести. Но убыхская молодежь готова была драться до конца. По их утверждению, одно имя убыхов много значило, а сил было достаточно для удержания русских.

Молодежные лидеры в своем бесшабашном удалстве бросили клич и, собрав боевой отряд, выступили навстречу русским. К ним примкнули ахчипсаа и хакучи³⁸. В отряде не было ни одного опытного предводителя. Даже Хаджи Герандук, находившийся в это время в Абхазии для обсуждения ситуации с Михаилом Шервашидзе, узнал об этом выступлении постфактум.

Молодые убыхи со своими союзниками, выдвинувшись на территорию Шапсугии, 18 марта на реке *Годлик* (между бывшими укреплениями Лазарева и Головинское) дали бой превосходящим силам генерала Геймана, но были разбиты. Развивая наступление, русские войска на следующий день достигли реки Шахе и вторглись на территорию Убыхии, предавая все мечу и пожарам.

Гордым убыхам пришлось изъявить покорность под условием выселения в Турцию. Хаджи Герандук лично прибыл к Гейману, чтобы согласовать условия. «Некогда грозный и сильный предводитель, перед которым преклонялись целые племена, – пишет военный историк Семен Эсадзе, – вынужден был теперь просить, как милости, несколько дней срока для выселения».

Вслед за убыхами сдались садзы. По рассказу Эсадзе, 26 марта 1864 года делегация садзов явилась к генералу Гейману, занявшему бывшее Навагинское укрепление. На вопрос – «зачем они приехали», глава делегации князь Решид Геч-

38. Хакучи – небольшое адыгское племя, проживавшее в горах между убыхами и приморскими шапсугами.

ба ответил: «Мы – джигеты; мы народ вольный; никогда ни с кем открыто не воевали и никогда никому не подчинялись. Теперь мы видим, что все кругом нас покоряется русским, и мы уже считаем землю нашу собственностью российского императора. Услышав, что ты здесь, генерал, мы приехали к тебе спросить приказание: как ты скажешь, так и будет. Дозволишь остаться, не скроем, это будет нам особенно приятно; прикажешь выселяться, мы вместе с другими мусульманами уйдем в Турцию». На это Гейман ответил: «Я ни дозволить вам остаться, ни приказать выходить самовольно не могу... Окончательный ответ на вопрос ваш я сообщу, когда получу на то приказание».

Последние залпы Кавказской войны гремели в горах Северо-Западной Абхазии, в верховьях Мзымты и Псоу. Жители Аибги и Ахчипсы, вместе с собравшимися у них абреками из разных племен, готовились к схватке, перекрыв завалами тропы. Великий князь Михаил Николаевич (брат Александра II), назначенный наместником Кавказа и главнокомандующим Кавказской армией в конце 1862 года, послал в этот труднодоступный район четыре колонны войск общей численностью более 25 тысяч человек. Русские войска, двигаясь с разных сторон, решительно подавили сопротивление горцев и к 20 мая 1864 года сосредоточились в урочище *Губаадвы* (ныне *Красная Поляна*) общества Ахчипсы. «Этому глухому аулу, – писал полвека спустя С.С.Эсадзе, – суждено было быть местом празднования события громадной исторической важности – окончания Кавказской войны». Днем окончания этого самого продолжительного в истории России военного конфликта считается 21 мая 1864 года, когда на Красной поляне в присутствии наместника было отслужено благодарственное молебствие в ознаменование победы и проведен торжественный парад войск. Весть о свершившемся событии наместник донес своему царственному брату, Александру II, телеграммой, ко-

торая начиналась словами: «Имею счастье поздравить Ваше Величество с окончанием славной Кавказской войны, отныне не остается более ни одного не покорённого племени...». В ответной телеграмме императора говорилось: «Благодарю от души всех начальников, офицеров и нижних чинов за их молодецкую службу, увенчанную полным успехом. Я горжусь ими более чем когда-либо...».

Переселение кавказских горцев в Османскую империю. Когда официальная Россия праздновала победу в Кавказской войне, горцы, «побежденные, но не покоренные», говоря словами Е.Г.Вейденбаума, толпами покидали родной край и отправлялись за море. Только небольшая часть их согласилась осесть на болотистых равнинах Кубани, большинство же предпочло покинуть землю предков. Это массовая миграция кавказцев, названная позже «махаджирством» (от араб. *хаджара* – «переселяться»), началась еще в середине XIX века, а в 60-х годах приняла катастрофические масштабы, обернувшись подлинной трагедией для адыго-абхазских народов, у которых число ушедших, намного превысило число оставшихся на родной земле. С карты Кавказа исчез народ убыхов, полностью переселившийся в Турцию в 1864 году. Тогда же почти поголовно выселились садзы и медовейцевы, а также большинство северокавказских абазин. Ушла и большая часть адыгов (черкесов), до этого времени самого многочисленного северокавказского этноса. Едва ли половина кавказцев, отправившихся в Турцию, достигла мест назначения. Остальные погибли от голода и болезней или во время крушения утлых судов, перегруженных людьми. «Такое бедствие и в таких размерах редко постигало человечество...», – пишет в своих воспоминаниях русский офицер И.Дроздов, участник последней фазы Кавказской войны.

Абхазское княжество в конце Кавказской войны. Борьба за котловину Псху. Обстановка в Абхазии до самого конца

русско-горской войны не вызывала удовлетворение у русской военной администрации. Еще в 1858 генерал Филипсон году писал начальнику главного штаба Кавказской армии: «...положение в Абхазии не изменилось к лучшему... также точно наш солдат не может отойти от своего укрепления на версту, не подвергаясь опасности быть убитым или взятым в плен, также точно внутренние раздоры главных фамилий вызывают наше в них участие и порождают ряд действий, в которых видно только, что мы ни на одно сословие в Абхазии положиться не можем. Одним словом, мы занимаем Абхазию, но не владеем ею». С ним соглашается начальник войск в Абхазии генерал-майор Лорис-Меликов: «...действительно, как выразился ген[ерал]-л[ейтенант] Филипсон, мы не владеем, а только занимаем ее. Даже, кажется вернее предположить, что это занятие в настоящее время менее прочно, чем было прежде». В том же духе составлены рапорты преемника Лорис-Меликова, генерал-майора Корганова, который, к примеру, отмечает: «Все комбинации, обстоятельства и настроения умов в Абхазии и Цебельде представляли... глубокие замысли противодействия нашему государству».

Особенно слабо ощущалось русское влияние в горных районах Абхазии (Дал, Цабал, Псху), считавшихся подконтрольными русской администрации. В январе 1859 года Лорис-Меликов двинул войска против псхувцев, отпавших в годы Восточной войны, вынудил их снова подчиниться и выдать аманатов, которых, за неимением помещения в Сухум-Кале, отдали на поруки одному из приближенных Михаила Шервашидзе, влиятельному дворянину Хасан Маану (Маргания). Однако последний, продержав их некоторое время у себя, отпустил домой без ведома военных властей. Требование нового начальника войск в Абхазии, Корганова, о возвращении заложников не было исполнено, а псхувские князя не явились на вызов, хотя

открыто не объявляли о выходе из подчинения. Возможно, выжидали время, чтобы удостовериться в правильности слухов о скором начале новой войны англо-франко-турецкого блока против России. Тогда генерал Корганов решил силой оружия принудить псхувцев к покорности и развеять слухи о близкой войне с европейскими державами.

7 августа 1860 года, после согласования плана экспедиции с кавказским командованием, русские войска (2200 солдат и офицеров со взводом горной артиллерии) выступили налегке из урочища *Шукран* в Цебельде. Из других пунктов двинулись отряды абхазской милиции (около 3 тыс. чел.), чтобы с разных сторон подступить к намеченной цели. Милиционерами командовали братья заболевшего владельца, князя Константин и Александр Чачба-Шервашидзе, и генерал-майор Кац Маан. Для увеличения численности ополченцев Корганов призвал также добровольцев, пообещав добычу и «отмщение по старинным расчетам за кровь и за безнаказанные нападения псхувцев».

Псхувцы, проведав, что против них готовится крупная экспедиция, прислали людей к Корганову, обещая выдать аманатов с тем, чтобы войска не вступали на их землю. Однако генерал не принял посланцев, а велел передать, что только на территории общества Псху он может принять их безусловную покорность.

Карательные войска едва заметными тропами проникли в Бзыбское ущелье и с четырех сторон атаковали Псху. Одновременно с действиями в горах, начальник сухумской морской станции капитан 1-го ранга Грече предпринял «поиск» к берегам садзов и убухов, обстреливая побережье и демонстрируя намерение высадить десант с целью «...занять джигетов и убухов, могущих идти на помощь псхувцам». Однако помощь немногочисленному населению Псху, все же пришла

– те же убыхи, садзы, ахчипсаа, аибгаа. Решительное сражение развернулось 17 августа в долине реки *Грибза* (правый приток Бзыби) и на окрестных высотах. Ожесточенный бой длился 8 часов, местами переходя в рукопашные схватки. Горцы искусно пользовались местностью, но и солдаты Кавказской армии были привычны к горной войне. Впрочем, успех правительственных войск обусловило их огневое превосходство. «Нарезное оружие и картечь... дали нам перевес», – отмечается в истории Михайловского крепостного батальона. Псхувцы, понесшие большие потери, отступили к своей последней позиции у горы *Цыбшха*, и прислали переговорщиков с просьбой о мире. Однако о полной капитуляции речи не было. Многие псхувцы, потерявшие родственников в последнем бою, и прибывшие на подмогу союзники, настаивали на продолжении боевых действий. Спор между представителями крайних точек зрения привел даже к перестрелке среди горцев. Все это время русские войска, построенные в боевой порядок, ждали исхода ситуации. Наконец восторжествовало мнение большинства и псхувцы, при посредничестве абхазских князей находившихся в царском отряде, снова принесли присягу и выдали заложников. После этого войска, не трогая жилища и посева, предприняли обратное движение. Знаменательно, что присягнувшие псхувцы с оружием на изготовку сопровождали отряд до границ Абхазского княжества, прикрывая его на случай атаки со стороны противников мирного соглашения.

Территории общества Псху в планах высокого военного начальства придавалось важное стратегическое значение. Предполагалось летом 1861 года занять долину главными силами войск, расположенных в Кутаисском генерал-губернаторстве, и окончательно утвердиться там. Этот район должен был стать связующим звеном между Сухум-Кале и Северным Кавказом.

Кроме того, хотели провести дорогу из Псху в общество Ахчипсы, откуда открывался доступ в тылы убыхов и садзов. Поэтому генерал-губернатору Колюбакину было предписано по мере движения вперед действующего отряда, разрабатывать дорогу на Псху через перевал *Доу*. Эта дорога дала бы возможность держать псхувцев в более надежном повиновении, а впоследствии послужила бы началом военного пути через горы для сообщения Абхазии с Кубанской областью.

Псхувцы понимали, что прокладка дороги им грозит потерей и того полунезависимого положения, в котором они находились после похода Корганова, и снова восстали, уже не складывая оружие до самого конца Кавказской войны. В последних числах июня 1861 года Колюбакин, наблюдавший за дорожными работами, находился с 4-тысячным отрядом в районе реки Гумиста, в 20-25 верстах от Сухум-Кале, когда получил донесение, что около 1000 абхазских воинов перешли через *Доу* для нападения на русские войска. «Первый раздавшийся выстрел 30 июня 1861 года... возвестил, что известие это справедливо и мы покорных псхоуцев (псхувцев. – Г.А.) и землю абхазскую должны считать нашими врагами», – свидетельствует официальный источник. Вскоре, подкрепленные партией убыхов (800 чел.), повстанцы блокировали отряд с разных сторон.

После жарких перестрелок Колюбакин, получивший донесение, что на помощь противнику выдвигается второй, еще более крупный отряд убыхов, решил отступить. Как утверждали абхазы, сотрудничавшие с властями, большинство повстанцев, участвовавших в стычках с войсками, были жителями приморской Абхазии, ибо по тропам ведущим к абхазским селениям, видны были следы крови, истекавшей из переносимых раненых, а в отнятых у неприятеля патронташах оказался порох турецкий и английский, тайно продава-

емый во всех прибрежных базарах Абхазии. «...Нельзя было рассчитывать с полной уверенностью ни на одного лазутчика, ни на одного переводчика из местных жителей. Абхазцы, желающие нам добра, боятся заявить свое сочувствие». Возможно, автор этого обозрения сгущает краски, чтобы дискредитировать Михаила Шервашидзе, против которого после Восточной войны даже в официальной переписке наблюдалась кампания очернения. Однако вряд ли картина слишком преувеличена. Оппозиционные настроения среди абхазов явно преобладали, и накануне масштабных наступательных действий против независимых народов Северо-Западного Кавказа, царские генералы не могли рассчитывать на надежный тыл в Абхазии. Поэтому не ошибался князь Орбелиани, докладывая военному министру Милютину в июле 1861 года: «...в настоящее время войска наши, действующие в здешних (абхазских. – Г.А.) горах, никак не могут рассчитывать на безопасность своих сообщений».

Конец Абхазского княжества. После Восточной войны российское правительство приступило к поэтапному упразднению оставшихся на Кавказе автономных владений. Под предлогом крестьянского выступления в Мегрелии в 1857 году был отстранен от власти владетельный дом Дадиани, а княжество подчинили прямому русскому управлению. Сначала это преподносилось как временная мера, но в 1867 году автономию отменили окончательно, а территорию края причислили к Кутаисской губернии. В 1858 году было упразднено Сванетское владение. Абхазское княжество сохранялось несколько дольше, так как по соседству с ним продолжалась война с горцами и власти опасались абхазского восстания, которое могло осложнить обстановку в регионе. Но когда окончательно стало ясно, что победа России не за горами, правительство стало действовать решительнее. Кавказский наместник Михаил

Николаевич в марте 1864 года направил в Петербург «Записку о положении в Абхазии», в которой резко отрицательно характеризовался порядок управления в княжестве и предлагалось упразднить владетельскую власть. Вслед за этим, в апреле, Михаил Шервашидзе, признанный «неблагонадежным», был отстранен от власти, а в июне 1864 года было введено непосредственное управление русских властей. Само собой разумеется, что обвинение в неблагонадежности было лишь предлогом для обоснования этого акта. Владетели Мегрелии, например, в действиях против России никогда не обвинялись, но их отстранили от власти даже раньше абхазского князя. Сам наместник, инициировавший отстранение Михаила, признавал, что «юридически нельзя обвинить князя Михаила Шервашидзе ни в одном из тех тяжелых преступлений, в которых обвиняет его общее мнение».

Решения правительства об отмене автономного управления в Абхазии было проведено без эксцессов. Бывшего владетеля, постаревшего и больного, в ноябре 1864 года под надуманным предлогом арестовали и выслали в Россию, хотя в ознаменование прошлых заслуг оставили ему титул светлейшего князя и звание – генерал-адъютант; назначили также хорошую пенсию. Последний владетель Абхазии умер в апреле 1866 года в Воронеже. Его тело, согласно завещанию, перевезли на родину и с почестями погребли в Моквском соборе.

ВОСТОЧНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И ПРИЛЕГАЮЩИЕ ЗЕМЛИ в 1810-1864 гг.

- 1) районы, на которые не распространялся контроль русской администрации в 1830 г.;
- 2) районы, не контролируемые русской администрацией в 1841 г.;
- 3) граница территории, не контролируемой русской администрацией к началу 1863 г.;
- 4) граница территории, не контролируемой русской администрацией к началу 1864 г.;
- 5) территория Джигетского приставства (1841-1854 гг.);
- 6) русско-турецкая граница в 1829-1878 гг.

П р и м е ч а н и е: На карте отмечены не все укрепления Черноморской береговой линии.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв.). Книга I / Составители Р.Х.Агуажба, Т.А.Ачугба. – Сухум, 2005
2. Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв.). Книга II / Составители Р.Х.Агуажба, Т.А.Ачугба. – Сухум, 2008.
3. Адыгская (черкесская) энциклопедия. / Главный редактор проф. М.А.Ку-махов. – Москва, 2006.
4. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (далее – АКАК). Т. III. Под ред. А.Берже. – Тифлис, 1870.
5. АКАК. Т. IV. Под ред. А.Берже. – Тифлис, 1870.
6. АКАК. Т. V. Под ред. А.Берже. – Тифлис, 1873.
7. АКАК. Т. VI, ч. I. Под ред. А.Берже. – Тифлис, 1874.
8. АКАК. Т. VII. Под ред. А.Берже. – Тифлис, 1878.
9. АКАК. Т. VIII. Под ред. А.Берже. – Тифлис, 1881.
10. АКАК. Т. IX. Под ред. А.Берже. – Тифлис, 1884.
11. АКАК. Т. X. Под ред. А.Берже. – Тифлис, 1885.
12. АКАК. Т. XI. Под ред. Д.Кобякова. – Тифлис, 1888.
13. АКАК. Т. XII. – Тифлис, 1904.
14. *Анчабадзе З.В.* Очерк этнической истории Абхазского народа. – Сухуми, 1976.
15. *Ачугба Т.А.* Абхазия: Депортация абхазов (XIX век). – Сухум, 2018.
16. *Бентковский И.В.* Заселение западных предгорий главного Кавказского хребта/ /Кубанский сборник. Труды областного статистического комитета, издаваемого под ред. Е.П.Фелицина. Т.1. – Екатеринодар, 1888.
17. *Блиев М.М.* Кавказская война: социальные истоки и сущность/ /История СССР. №2'1983.

18. *Бороздин К.А.* Закавказские воспоминания. Мингрелия и Сванетия с 1854 по 1861 год. С.-Петербург, 1885.
19. *Бороздин К.А.* Омер-паша в Мингрелии. Из воспоминаний о Восточной войне 1853–56 гг. – С.-Петербург, 1873.
20. *Вахушти.* История Грузии / Подготовил к изданию по всем основным рукописям С.Г.Каухчишвили. – Тбилиси, 1973 (на груз. яз.).
21. Военная энциклопедия / Под. ред. В.Ф.Новицкого и др. Т. 7. Т-во И.Д.Сытина. – Петербург, 1912.
22. Военная энциклопедия / Под. ред. В.Ф.Новицкого и др. Т. 9. Т-во И.Д.Сытина. – Петербург, 1912.
23. Военная энциклопедия / Под. ред. В.Ф.Новицкого и др. Т. 11. Т-во И.Д.Сытина. – Петербург, 1913.
24. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XVI, часть 5. Кутаисское генерал-губернаторство / Составлял генерального штаба штабс-капитан Лаврентьев. – С.–Петербург, 1858.
25. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XVI, часть 10. Восточный берег Черного моря. С.–Петербург, 1853. / По рекогносцировкам и материалам, собранным на месте, составлял генерального штаба полковник Карльгоф. – С.–Петербург, 1853.
26. Военный сборник, № 1. 1860.
27. Военный сборник, №12. 1864.
28. *Вейденбаум Е.Г.* Путеводитель по Кавказу. – Тифлис, 1888.
29. *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. – Москва, 1974.
30. *Ворошилов В.И.* История убыхов. – Майкоп, 2008.
31. Воспоминания Григория Ивановича Филипсона/ /Русский архив. №6'1883.
32. Воспоминания Григория Ивановича Филипсона/ /Русский архив. №1'1884.
33. *Гордин Я.А.* Кавказская Атлантида. 300 лет войны. – Москва, 2011.
34. *Дадиани Нико.* История грузин / Под ред. Ш.Бурджанадзе. – Тбилиси, 1962 (на груз. яз.).
35. *Джанашиа С.Н.* Гиорги Шарвашидзе. Культурно-исторический очерк/ /Его же. Труды, т. VI. – Тбилиси, 1988 (на груз. яз.).
36. *Дзамихов К.Ф.* Кавказская война и её интерпретация в отечественной историографии и общественном сознании: «черкесский взгляд»/ /Северо-Кавказский юридический вестник. №1'2014.

37. *Дзидзария Г.А.* Декабристы в Абхазии. – Сухуми, 1970.
38. *Дзидзария Г.А.* Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми, 1982.
39. *Дзидзария Г.А.* Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX в. (до крестьянской реформы 1870 г.). – Сухуми, 1958.
40. *Дзидзария Г.А.* Труды. Т. I. – Сухум, 2014.
41. *Дзидзария Г.А.* Труды. Т. II. – Сухум, 2015.
42. *Дзидзария Г.А.* Труды. Т. III (Из неопубликованного наследия). – Сухум, 2006.
43. Документы по истории Абхазии. XIX – начало XX в. / Над изданием работали: Г. Анчабадзе (руководитель проекта), М. Пагава, И. Туташвили. – Тбилиси, 2018.
44. Документы по истории Грузии. Серия II. Том 1. Часть первая / Под ред. Ш.К.Чхетия. – Тбилиси, 1954.
45. *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т.I, кн. 1. – С.-Петербург, 1871.
46. *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т.VI. – С.-Петербург, 1888.
47. *Думбадзе М.К.* Западная Грузия в первой половине XIX в. (присоединение к России и социал-экономическое развитие). – Тбилиси, 1957 (на груз. яз.).
48. *Дьячков-Тарасов А.Н.* Абхазия и Сухум в XIX столетии/ /Известия Кавказского отдела Русского географического общества. Т.XX, №2. – Тифлис, 1910.
49. *Дьячков-Тарасов А.Н.* Абадзехи (Историко-этнографический очерк)/ / Записки Кавказского отдела императорского русского географического общества. Книжка XXII, вып. 1. – Тифлис, 1902.
50. *Дьячков-Тарасов Н.* Черноморская кордонная линия, Черноморская береговая линия и правый фланг Кавказа перед Восточною войною в 1853 г./ /Кубанский сборник. Т.10. – 1904.
51. Записки А.П.Ермолова. 1798–1826 гг. / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В.А.Федорова. – Москва, 1991.
52. *Званба С.Т.* Абхазские этнографические этюды / Составитель, автор биографо-библиографического очерка и ответственный редактор Г.А. Дзидзария. – Сухуми, 1982.
53. *Ибрагимбейли Хаджи Мурат.* Кавказ в Крымской войне 1853-1856 гг. и международные отношения. – Москва, 1971.
54. Из записок кавказского туриста/ /«Кавказ», №45'1867.

55. *Инал-Ипа Ш.Д.* Садзы. Историко-этнографические очерки. – Сухум, 2014.
56. *Инал-Ипа Ш.Д.* Убыхи; Чирикба В.А. Убыхские этюды. – Сухум, 2015.
57. История Народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / Ответственный редактор книги акад. А.Л.Нарочницкий. – «Наука», Москва, 1988.
58. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. Т. II. / Составитель В.М.Букалова. – Москва, 1957.
59. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность / Руководитель проекта Я.А.Гордин. – С.-Петербург, 2005.
60. Кавказский календарь на 1858 г. – Тифлис, 1857.
61. Кавказский сборник (далее – КС). Т. XI. – Тифлис, 1877.
62. КС. Т. XIII. – Тифлис, 1889.
63. КС. Т. XIV. – Тифлис, 1890.
64. КС. Т. XXXII, часть II. – Тифлис, 1912.
65. Касумов А. Оборона Северного Кавказа в Крымской войне 1853-1856 гг. / Сборник статей по истории Кабарды и Балкарии. Вып. 6. – Ставрополь, 1957.
66. *Кварчия В.Е.* Историческая и современная топонимия Абхазии (историко-этимологическое исследование). – Сухум, 2006.
67. Кудашев А.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. – Киев, 1913.
68. *Лакоба С.З.* Асланбей. – Сухум, 1999.
69. *Лапин В.В.* Хронологические рамки Кавказской войны в контексте ее историографии / Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2007. Вып. 3.
70. *Лапинский Теофил* (Тэффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских / Пер. Гарданова В.К. – Нальчик, 1995.
71. *Люлье Л.Я.* Черкессия. Историко-этнографические статьи. – Киев, 1991.
72. *Мамедов А.Н.* Приставская система управления на Северо-Восточном Кавказе в первой половине XIX века / Известия РГПУ им. А.И.Герцена. №76-1'2008.
73. Материалы по истории Абхазии XIX века. Т. I. Составитель: Г.А.Дзидзария. – Сухум, 2008.
74. Материалы по истории Абхазии XVIII-XIX вв. Т. II. Составители: А.Э.Куправа, С.Ш.Салакая, А.Ф.Авидзба. – Сухум, 2011.
75. Материалы по истории Абхазии XIX в. Т. III. Составители: А.Э.Куправа, С.Ш.Салакая, А.Ф.Авидзба. – Сухум, 2012.

76. *Мачавариани К.Д.* Описательный путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу. – Сухум, 1913.
77. *Мачарадзе В.Г.* Бесики на дипломатической арене. – Тбилиси, 1968 (на груз. яз.).
78. Мухаммад-Амин и народно-освободительное движение народов Северо-Западного Кавказа в 40-60 гг. XIX вв. / Составитель Магомедадаев А.М. – Махачкала, 1998.
79. *Невская В.П.* Присоединение Черкесии к России и его социально-Экономические последствия. – Черкесск, 1956.
80. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. Часть первая. – Москва, 1823.
81. Обзор войн России от Петра Великого до наших дней (пособие для изучения военной истории в военных училищах). Часть IV, кн. 2. Кавказская война в царствование императоров Николая I и Александра II. Составил ген.-л. Н.В.Дубровин / Под общей редакцией генерала от инфантерии Леера. – С.-Петербург, 1896.
82. *Осли Э.* Покорение Кавказа. Геополитическая эпопея и войны за влияние. – Москва, 2008.
83. Османские документальные источники об Абхазии и Восточном Причерноморье (XVII–XVIII вв.) / Турецкий текст с грузинским переводом, введением, терминологическим словарем, факсимиле и индексом подготовили к изданию Г.З.Анчабадзе и Н.Н.Шенгелия. – Тбилиси, 2012.
84. Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани (Извлечение из трудов Сухумской Сословно-Поземельной комиссии, представленных в 1869 году) / Сборник сведений о кавказских горцах. Выпуск III. – Тифлис, 1870.
85. Очерки истории Абхазской АССР. Часть I. – Сухуми, 1960.
86. *Пахомов А.* Записка об имениях князя Георгия Шервашидзе / И.Антелава, Г.Дзидзария. Материалы по истории Абхазского княжества / Исторический вестник, 7. – Тбилиси, 1953.
87. *Пейсонель М.* Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750-1762 годах / в изложении Е.Д.Фелицина. Северокавказский филиал традиционной культуры, 1990.
88. *Покровский Н.И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. – Москва, 2000.
89. *Потто В.А.* Кавказская война. Том 1. – Ставрополь, 1994.
90. *Потто В.А.* Кавказская война. Том 2. – Ставрополь, 1994.
91. *Салакая С.Ш.* История и историография Абхазии XIX – нач. XX в. Сборник статей. – 2018.

92. *Селезнев М.* Руководство к познанию Кавказа. Кн. II. – С.-Петербург, 1847.
93. *Скиба К.В.* Кубанская линия в военно-политических событиях 1801-1835 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Армавир, 2004.
94. *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. – Москва, 1958.
95. *Стефанов Т.Т.* Михайловский крепостной батальон на Кавказе. 1819–1906. – Батум, 1906.
96. *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания Кавказского офицера. – Москва, 2010.
97. *Фадеев А.В.* Россия и Кавказ в первой трети XIX в. – Москва, 1960.
98. *Фадеев А.В.* Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе / Исторический сборник, 4. – Москва–Ленинград, 1935.
99. *Фадеев Р.А.* Кавказская война. – Москва, 2005.
100. *Фредерик Дюбуа де Монперэ.* Путешествие вокруг Кавказа. У черкесов и абхазов, в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму / Перевод с французского Н.А.Данкевич-Пущиной. – Сухуми, 1937.
101. *Хафизова М.Г.* Убыхи: ушедшие во имя свободы. – Нальчик, 2010.
102. *Чунтыжева Р.В.* Сочинский меджлис: опыт общественно-политического творчества адыгов в XIX веке / Вестник Майкопского государственного технологического университета. №4'2014.
103. Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных материалов / Под ред. Ш.В.Цагарейшвили. – Тбилиси, 1953.
104. *Шишкевич М.И.* Покорение Кавказа. Персидская и Кавказские войны / История русской армии и флота. Т. VI. – Москва, 1911.
105. *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. III. – С.-Петербург, 1891.
106. *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска. Т. II. – Екатеринодар, 1913.
107. Эвлия Челеби. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Перевод и комментарии. Вып.3. / Составитель и ответственный редактор А.Д.Желтяков. – Москва, 1983.
108. *Эсадзе С.С.* Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I. – Тифлис, 1907.
109. *Эсадзе С.С.* Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. – Майкоп, 1993.

George Anchabadze

**ABKHAZIA AND THE CAUCASIAN WAR
1810-1864**

Summary

The monograph of Doctor of Historical Sciences, Professor George Anchabadze traces the political history of Abkhazia from 1810 to 1864. This is the period of the existence of the autonomous Abkhazian principality within the Russian Empire, coinciding with the time of the Caucasian (Russian-Caucasian) war and the final entry of the Caucasus into the Russian empire. The book shows the factor of the Caucasian War in the history of Abkhazia and the main moments of the participation of the Abkhaz in this confrontation. For the author, this is also the topic of a special lecture course that he reads to the undergraduates of the Abkhaz State University.

The book is addressed to both students and specialists in history, as well as a wide readership.

HISTORICAL INTRODUCTION

The Caucasian War is the longest-running military conflict in Russian history. One of its features is the absence of generally accepted chronological boundaries. Moreover, if almost all historians recognize 1864 as the final date of this conflict, then there is a wide

range of opinions regarding the initial date - 1722, 1763, 1785, 1801, 1817, 1830 and other years. Each of these dates has its own more or less justifiable motives, but the most reasonable is the opinion of historians who attribute the beginning of the great confrontation in the North Caucasus to the era of the Russian Empress Catherine II (1762-1796), when the active advance of the Russian troops and administration began here.

At the time in question, Abkhazia was a principality headed by the house of Chachba, or Shervashidze. There were also numerous nobility of various degrees in Abkhazia. The most powerful noble clans were only in nominal dependence on the supreme ruler of the country.

It is believed that from about 1578 the Abkhazian principality was a vassal of the Ottoman Empire, but this dependence was not strong and permanent. So, in 1806, Prince Keleshbey Chachba-Sherdashidze broke off relations with Turkey and established ties with the Russian military command in the Caucasus, although he was in no hurry to become a Russian citizen. In such a situation, in 1808, the Abkhaz ruler was killed under unclear circumstances. Keleshbey's successor was his eldest son Aslanbey, an opponent of rapprochement with Russia.

ESTABLISHMENT OF A RUSSIAN PROTECTORATE OVER ABKHAZIA AND PEOPLE'S RESISTANCE (1810-1830)

In July 1810, a Russian squadron fired at the Sukhum fortress and landed troops, which captured the city in battle. Aslanbey fled to the Sadz, an Abkhazian tribe that lived between the Bzyb and Sochi rivers. The Russians proclaimed the ruler of Abkhazia his younger brother George, who took over the Russian protectorate.

As part of the Russian Empire, the Abkhazian principality – where Georgy Chachba-Sherdashidze ruled, and then successively his sons, Dmitry and Mikhail – occupied a much smaller territory than in the previous period. The mountain cantons of Abkhazia - Tsabal, Dal,

Pskhu and others, did not accept the supreme patronage of Russia and refused to obey the ruler - the Russian protege.

As for the political situation in the territories subject to the ruler - coastal Abkhazia, it did not inspire confidence in the Russian authorities. The situation became especially complicated after the death of Prince George, in February 1821. Soon, the resistance movement was headed by the former ruler Aslanbey, who hastily returned to his homeland.

To suppress the uprising, the ruler of Imereti (Western Georgia), General Gorchakov, entered Abkhazia with military forces, defeated the rebels, and pursued them to the Bzyb River. Aslanbey again went to the Sadz. Gorchakov proclaimed Dmitry Shervashidze, the eldest son of the deceased ruler as the prince of Abkhazia but Dmitry soon died (according to the official version, he was poisoned) and his younger brother, 17-year-old Mikhail, was approved as the sovereign. But the power of the young prince was even weaker. The unrest continued in the country, which grew into an open uprising in 1824. Gorchakov's new campaign did not have a decisive success and the Russian troops were forced to leave Abkhazia, keeping only the Sukhum fortress. Together with them, the young ruler and his household left. After the departure of the Russians, the liberation struggle in Abkhazia escalated into an internecine war of local feudal lords.

WESTERN CAUCASUS AT THE CROSSROADS OF HISTORY (1830-1853)

The Ottoman government, which for a long time did not recognize the transition of Abkhazia to the rule of the Russian Empire, after the defeat in the Russian-Turkish war of 1828-1829 was forced to come to terms with this fact. According to the peace treaty (1829), the Ottoman Empire, in addition to its Transcaucasian possessions, also ceded to Russia the rights to the lands of the Northwestern Caucasus (from the Kuban to the Black Sea and the Bzyb River), which it actually never owned. The population of this region consisted mainly of the peo-

ples of the Adyghe-Abkhaz ethnic group: Adygs (Circassians), Ubykhs and Abkhaz ethnic groups independent of the Abkhaz ruler (Sadz, Medovey, etc.). Thus, Russia received the formal rights to conquer independent Circassia (at that time, so was called not only the territory of the Circassians, but other peoples of the North-West Caucasus as well). By order of Emperor Nicholas I in 1830, the Russian army stepped up military operations in this direction. This meant that since 1830 in the Caucasus there were already two centers of mountain resistance, which were essentially independent theaters of military operations: 1) eastern - Chechnya and Mountainous Dagestan, where at that time a centralized state - the Caucasian Imamate was taking shape, and 2) western - the settlement zone of the Adyghe-Abkhaz peoples of the North-West Caucasus. In the 1830s two confederations were formed there which had one goal - to defend independence. The first included the Adyghe tribes - Natukhai, Abdzakhs and part of the Shapsugs. The second alliance was made up of another part of the Shapsugs, Ubykhs and the Western Abkhazian groups - Sadz and Medovey (several cantons in the northwestern mountains of historical Abkhazia). The leaders of this association were the Ubykhs.

In the summer of 1830, General Hesse landed in the Sukhum Bay with a detachment of troops. The purpose of the expedition was to establish Russian control over the coast of Abkhazia and Circassia. However, the forces allocated for this (2,400 soldiers) were completely insufficient. Hesse's troops advanced only as far as Gagra (on the western border of Abkhazia) and entrenched themselves there, building a fort. In Abkhazia, weakened by civil strife, the restoration of Russian suzerainty was relatively easy. In negotiations with Hesse, the Abkhaz feudal lords agreed to get back under the supreme power of Russia providing the preservation of their hereditary rights and privileges. Otherwise, they threatened with a new uprising. Hesse, who had instructions to do everything possible to resolve the issue peacefully, accepted these demands.

The restoration of the Russian positions in Abkhazia strengthened the position of the sovereign Mikhail, who since 1830 had firmly set-

tled down in the country. On the other hand, his increased authority, the qualities of a ruler and personal ties with the mountain aristocracy helped a lot the Russians in many ways in such a difficult region as the North-Western Caucasus - the western theater of the Caucasian war.

The war in the Western Caucasus became protracted. Therefore, after the death of the first Dagestani imam Gazi-Muhammad in 1832 and the fall of his stronghold, Gimry, the Russian high command, believing that organized resistance in the Eastern theater was over, shifted the center of gravity of hostilities to the Western theater. However, despite the increase in the number of imperial troops in the Caucasus (by 1837 - 154,000 soldiers), attempts to extend military control over Circassia ran into serious obstacles. The Russian Minister of War Chernyshev in 1840 was forced to state: "Long-term actions by force of arms against the recalcitrant Circassian tribes... had no effect on the general pacification of the region."

The intensification of hostilities in Circassia coincides with the strengthening of the Russian military presence in Abkhazia, which, of course, was not a coincidence. New fortifications and strongholds of Russian troops appeared in the principality, but it was still far from the real subordination of Abkhazia.

In Tsabal, conquered by Russian troops in 1837, an uprising broke out three years later. The partisan war lasted until 1845, when part of the rebels entered into negotiations with the Russian authorities and, having received forgiveness, returned to a peaceful life. But the rebel leader, Prince Eshsou Marchand, did not lay down his arms; retreating to the rebellious Pskhu, he, together with the remaining soldiers, continued the struggle, acting now in Dal and Tsabal, in Coastal Abkhazia, now in the North Caucasus.

The Caucasian War reached its climax in the 30s and 40s of the 19th century. The Imamate, which was considered defeated after the death of Gazi-Magomed, revived again. In 1834, Shamil was elected imam and he deployed a successful guerrilla warfare against the regular troops. In 1839 the main forces of the Russian Caucasian corps were moved to the eastern theater of war. But Shamil, supported by

the Chechens, launched a counter-offensive and cleared most of the mountainous Dagestan from the tsarist troops. Russian troops temporarily went on the defensive, although their total number in the Caucasus by 1844 had already reached 185,000 people.

In April 1846 Shamil with 10,000 mountain-dwellers invaded Kabarda to unite with the Adygs and form a common front of struggle from the Caspian to the Black Sea, but the Russians forced him to retreat. The imam, however, did not abandon attempts to expand his influence in the Western Caucasus. In the 40s its representatives appear here, the most notable of whom was Magomed-Amin, an Avar by nationality. Abdzakhs invited him to Circassia, asking Shamil to give them a worthy leader. Magomed-Amin secretly arrived from Chechnya in 1848. Abdzakhs and other Adyghe tribes rallied around him.

Formally being the naib (governor) of Shamil in Circassia, Magomed-Amin, due to geographic disunity with the Imamate, actually independently waged a war with the Russians and ruled over the territory, which during 1848-1859 varied depending on various factors. By the spring of 1853, the orbit of Magomed-Amin's influence reached its maximum, covering almost the entire North-Eastern Caucasus. At this time, it was also recognized by the Ubykhs, Me-dovey and some Sadz cantons. The head of the Tsabal rebels, Eshsou Marshan, also closely cooperated with the Naib.

CRIMEAN WAR. THE END OF THE CAUCASIAN WAR AND ABOLITION OF THE ABKHAZ PRINCIPALITY (1853-1864)

At the end of 1853, the Eastern, or Crimean War began, in which a coalition of England, France, Turkey and the Sardinian kingdom acted as Russia's enemy. The hostilities were conducted in isolated territories, far from each other, but the main theater of the war was the Crimean peninsula and the Black Sea coastal area as a whole.

The Eastern War revealed the military and economic backwardness of tsarist Russia. The appearance on the Black Sea of the An-

glo-French squadrons, which had a military-technical superiority over the Russian fleet, dramatically changed the situation in the main theater of operations in favor of the coalition. Russian coastal fortresses in the Eastern Black Sea region, facing the threat of a double blow from the allied fleet and mountain-dwellers in the spring of 1854, by order of Nicholas I, were hastily evacuated, and the fortifications were blown up.

Mikhail Shervashidze rendered great assistance to the Caucasian command in the organized withdrawal of Russian troops from Abkhazia. The barriers put up by him ensured the safe passage of the columns, which were threatened by the attack of the hostile mountain-dwellers. This operation was highly appreciated in St. Petersburg; the Abkhazian ruler was awarded the Order of the White Eagle of the Russian Empire. However, then events occurred that cast a shadow on him in the eyes of high officials.

Taking advantage of the departure of the Russians, Turkish troops began to land in Abkhazia. Mikhail initially wanted to resist the enemy and asked for military assistance, but the main command could not allocate forces. The main part of the troops in the Caucasus (by then 270,000 soldiers and officers) was still chained to the front of the struggle against the mountain-dwellers. The prince realized that Abkhazia was being abandoned to the mercy of fate, but until the outcome of the war was determined, he was in no hurry to take decisive steps. Only in April 1855, against the will of his superiors, he returned to Abkhazia, occupied by the Turks, where he met with the Turkish Marshal Omer Pasha.

This step by Mikhail Chachba-Shervashidze shows his serious discord with the Russians. The Turkish sultan, wishing to win over the Abkhazian ruler, granted him the title of Pasha and other advantages, but Mikhail did nothing for the Turks. He continued to keep in touch with Tiflis, showing that he continues to look after Russia's interests. The population of Abkhazia met the Turks rather coldly. Although some of the Abkhaz served them, the other part fought on the side of the Russians.

The main events of the Eastern War unfolded around Sevastopol, but the allied command did not forget about the North Caucasian direction, planning a landing in Circassia in order to push the Russians north from the Kuban and Terek with the help of the mountain-dwellers. But the Circassians, tired of the long confrontation, did not provide active assistance to the coalition troops. When the Russians in 1854-1855 without a fight left their advanced positions and went beyond the Kuban, they considered that there was no need for a war.

Such sentiments created a threat to the military-political unification of Magomed-Amin, especially in the seaside, where the positions of Islam were weak. Here, not everyone liked the imposition of strict Islamic orders, but put up with it in the interests of the common struggle. After the departure of the Russians, everything changed, in Ubykh and Shapsugia the Islamic institutions created by the naib ceased to function, and the judges and chiefs appointed by him were expelled.

The Eastern War ended with the defeat of the Russian Empire. The Paris Peace Treaty (1856) limited Russia's sovereignty in the Black Sea and weakened its influence in the Balkans and the Middle East, but it retained its position in the Caucasus.

After the news of the conclusion of peace came, the Abkhaz princes and nobles, chaired by the ruler, held a meeting on how to return to the rule of Russia, avoiding punishment. Then Mikhail Shervashidze went to Tiflis to settle the problem. Despite the fact that the Abkhaz ruler irritated the Russian authorities with his behavior during the war, in St. Petersburg they decided to hush up this issue for a while, while the struggle with the mountain-dwellers continued, and not to remove Mikhail from power. The investigation of the case of his "treason" was terminated under the pretext that "the sovereign did not find direct evidence of a deliberate, purposeful, calculated betrayal." The Abkhazian feudal lords who collaborated with the Turks were also forgiven in order to use them at the final stage of the Caucasian War. Thus, the issue was settled and in July 1856 Russian troops landed in the Sukhum harbour, led by Mikhail Chachba-Shervashidze.

In July 1856, Emperor Alexander II appointed Adjutant General Baryatinsky as governor and commander-in-chief in the Caucasus, to whom he subdued enormous forces - over 350 thousand soldiers and officers. Baryatinsky first directed his main efforts against Shamil, deploying a 200,000-strong group around the Imamate. In the summer of 1859 gradually tightening the blockade ring, Russian troops surrounded Shamil on Mount Gunib, where, after hopeless resistance, the famous leader of the mountain-dwellers personally surrendered to the governor and was sent to Russia.

After the fall of the Caucasian Imamate, the attention of the Russian High Command turned to the North-West Caucasus, where main attack force of the Caucasian army, battle-hardened with Shamil's detachments, was transferred to reinforce the troops located in the Kuban. In November 1859, Magomed-Amin, realizing the futility of further resistance, laid down his arms. Accompanied by 2,000 horsemen, he came to the Russian military camp and swore allegiance to the emperor. This fact could serve as a precedent for a compromise peace in an age-old war, but in the ruling spheres of the empire, not everyone considered it acceptable for reasons of prestige. The majority of the Caucasian generals headed by Baryatinsky also strongly opposed it. According to their plan, in order to exclude the possibility of a new uprising, the mountain-dwellers should have been resettled to the steppe, far from the sea, and the mountains had to be populated with Cossacks.

In the fall of 1861, Alexander II visited the North Caucasus. He twice met with mountain delegates who declared that they were ready to recognize Russian citizenship on the condition that they stay on their lands and preserve their autonomy. Alexander rejected these conditions, demanding unconditional submission and eviction to the plane. Otherwise, the mountain-dwellers were asked to leave for the Ottoman Empire, which expressed a desire to accept the Caucasians.

Only a small part of the mountain-dwellers agreed to settle on the plains, while the majority decided to fight for their land. The

war resumed with a huge disparity of power. A systematic attack on Circassia began, accompanied by deforestation, the destruction of villages and the expulsion of people from their homes.

In 1864, the resistance of the Circassians, already displaced from their original habitats, was broken. Under the threat of starvation or total extermination by the troops, they began to leave for Turkey in droves. The government settled the lands left by the mountain-dwellers with Russian colonists.

After the defeat of the Circassians, it was the turn of the Ubykhs. Having suffered defeat in the last battle on March 19, 1864, the proud Ubykhs had to show submission under the condition of being exiled to the Ottoman Empire. Sadz surrendered after the Ubykhs.

The last volleys of the Caucasian War thundered in the mountains of Western Abkhazia. The inhabitants of Medovey, together with the representatives of different tribes gathered there, prepared for the battle. The new Governor General of the Caucasus Viceroyalty Grand Duke Mikhail Nikolaevich (brother of Alexander II) sent four columns of troops totaling more than 25,000 soldiers to this hard-to-reach region. The troops, moving from different directions, decisively suppressed the last centers of resistance and concentrated in the valley, which is now called Red Glade. Here on May 21, 1864, in the presence of Grand Duke himself, a thanksgiving prayer was served to commemorate the victory and a solemn parade of troops was held. This day is considered to be the end of the Caucasian War - the longest military conflict in the history of Russia.

When official Russia was celebrating victory in the Caucasian War, the mountain-dwellers, "defeated but not conquered," as one of the contemporaries of this event wrote, left their native land in droves and went overseas. This mass emigration of Caucasians began in the middle of the 19th century, and in the 60s took on catastrophic proportions, turning into a real tragedy for the Adyghe-Abkhaz peoples, whose number of those who left far exceeded the number of those who remained on their native land. The Ubykh people disappeared from the map of the Caucasus, completely re-

settling to Turkey in 1864. At the same time, Sadzs and Medovey, as well as most of the North Caucasian Abaza, moved out almost completely. Most of the Adygs (Circassians), until that time the most numerous North Caucasian ethnic group, also left.

Since the end of the 50s of the 19th century the Russian government began a phased abolition of the protectorates remaining in the Caucasus. The Abkhazian principality was one of the last to be abolished, as the war with the mountain-dwellers continued in its neighborhood and the authorities feared an Abkhaz uprising that could complicate the situation in the region. Only in April 1864, Mikhail Shervashidze, recognized as “unreliable”, was removed from power, and soon after that direct Russian rule was introduced in Abkhazia.

The government’s decision to abolish the autonomous status was carried out without incident. The former ruler, who had grown old and sick, was arrested in November 1864 under a far-fetched pretext and deported to Russia, although in commemoration of his past merits he was given a good pension and left the rank of Adjutant General and the title of “Most Serene Prince”. Mikhail Chachba-Shervashidze died in Voronezh in 1866. His body, according to his will, was transported to his homeland and buried with honors in the ancient cathedral.

European Union

COBERM

A Joint EU-UNDP Initiative

Опубликовано при финансовой поддержке COBERM – совместной инициативы Евросоюза (ЕС) и Программы развития ООН (ПРООН). За содержание и терминологию публикации полностью несет ответственность автор и они ни при каких обстоятельствах не могут рассматриваться, как позиция ЕС и ПРООН.

Published with the support of COBERM, a joint initiative of the European Union (EU) and the United Nations Development Programme (UNDP). The content and the terminology of this publication are the sole responsibility of the author and can under no circumstances be regarded as reflecting the position of either the EU or UNDP.

ISBN 978-9941-8-3309-0

9 789941 833090